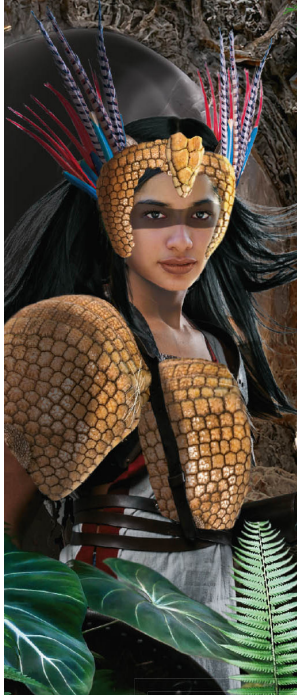

НАШИ ТАМ

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ
ПЯТЫЙ
КОДЕКС

Андрей Владимирович Мартынов

Пятый кодекс

Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69047971
Мартынов А.В. Пятый кодекс: Центрполиграф; Москва; 2023
ISBN 978-5-227-10259-1

Аннотация

Бывший разведчик спецназа, прошедший горячие точки не только как воин-интернационалист, но и как журналист-международник, репортёр-естествоиспытатель и этнограф, Андрей Рогов в очередном опасном путешествии в Мексику пускается на поиски расшифровки одного из древних манускриптов индейцев майя. В горах Чьяпаса он и его коллеги из съёмочной группы попадают в водоворот опасных приключений, вокруг них разворачиваются события, полные тайн и мистических загадок...

Содержание

Глава 1. Страшные горы Чьяпаса	5
Глава 2. Страсти по Мексике	24
Глава 3. Вицлипуцли – божество или проклятие?	38
Глава 4. Первые неожиданности	47
Глава 5. Вицли-Мицли	69
Глава 6. Бахлам – сын трущоб	79
Глава 7. Криминальный Поэбло	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Андрей Мартынов

Пятый кодекс

© Мартынов А.В., 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

© «Центрполиграф», 2023

* * *

Глава 1. Страшные горы Чьяпаса

Берега большого горного озера, поросшие бакаутами и саподиллой, медленно засыпали. Многоголосый хор птиц под вечер смолк, и только ветер, протяжный, как звук гватемальской блокфлейты тропической ночью, терялся в непроходимых джунглях на склонах горы Санта-Крус.

Двое ныряльщиков неспешно выбрались на борт моторной лодки. Молодой подал руку старому, и исследователь с еле заметной одышкой оглянулся, откуда только что вынырнул.

– Смотри, Рольф, глубина небольшая, футов пятьдесят. Так рождаются великие открытия.

Пожилой ныряльщик, сухопарый и энергичный, сняв капюшон гидрокостюма, весело топтался по днищу качающейся из стороны в сторону моторки. Предчувствие переворота в науке било мелкой дрожью по всему телу – у старика аж тряслись руки.

– ...Нет, Рольф, ты не понимаешь! Сам Паша¹ позавидовал бы! Это не просто золото! Мы стоим на пороге открытия, которое перевернёт мир!

Рольф – мужчина лет тридцати, с аккуратной бородкой, стоял позади старика, озираясь, как непрошенный гость у чу-

¹ Паша – прозвище Жака-Ива Кусто в научном мире.

жой квартиры.

– Мастер Ульрих! Полиция!

Действительно, от берега, в трёхстах ярдах от ныряльщиков, отделился катер.

– Я не боюсь! Я никого не боюсь! – гордо воскликнул учёный, глядя в сторону приближающегося патруля. – И ты не бойся, Рольф. Мы ведь не какие-нибудь охотники на ламантинов, а учёные! Сейчас они узнают, с кем имеют дело! Я расскажу... Ы-ы...

В руке Рольфа сверкнуло стальное жало, и Ульрих получил удар в печень. Короткий сдавленный крик старика был слышен только его убийце.

– Не в этой жизни... – Молодой человек невозмутимо толкнул умирающего пожилого учёного в воду.

Тяжёлый акваланг потянул ныряльщика на дно.

Подоспевшая полиция не обнаружила ничего подозрительного и удалилась, а убийца кому-то передал по рации:

– Место найдено. Готовьте команду для погружения. Сейчас буду, – и завёл мотор лодки.

В этот момент из воды вынырнула голова туземца. Быстрый, как пуля, плевков из трубки, и ядовитая стрела пчелой ужалила Рольфа в шею. Теряя равновесие, умирая от неизвестного яда, тот кувыркнулся с борта уходящей моторной лодки вслед за своей жертвой на дно озера Исабаль...

Шаг за шагом он поднимался по крутому горному склону.

Высокого роста европеец в камуфляже и в крепких армейских ботинках с протекторами, с немалой заплечной сумкой, по форме напоминавшей чехол для армейской радиостанции, пробирался в горы прямо над деревней майя. Мужчина был настолько осторожен, что мог незаметно подойти к птице или зверю. Сказывалась долгая выучка следопыта.

«Пронесло...» Где-то внизу осталось поселение с крытыми соломой хижинами, где начеку было три десятка крепких индейцев с боевыми трубками, топорами и дротиками.

Мысль загадочного путешественника прервал странный звук. Впереди, за огромными валунами послышался не то голос, не то скрип: «У-у-у-а-а-а-а! У-у-у-а-а-а! А-а-а-ап!» Мужчина замер и, на всякий случай вынув из-за пояса боевой нож с кровостоком, двинулся дальше. Через несколько метров следопыт опять остановился и лёг на тропу. Она делала резкий поворот, который обозначала отвесная скала, а впереди был обрыв. Снова послышался тот же звук: «У-у-у-а-а-а-а! У-у-у-а-а-а! А-а-а-ап!» Европеец осторожно выглянул из-за поворота, буквально вжавшись в скальную поверхность тропы. Метрах в пятнадцати впереди сидел индеец майя в полной боевой раскраске. Набедренная повязка эш, аккуратно пропущенная между ног, с дорогими перьями и вышивкой. Широкая накидка из шкуры ягуара, которая наверняка скрывала необычный татуаж на теле. Чёрные как смоль волосы были заплетены в десятки косичек-дредов и собраны в хвост, отчего голова туземца казалась продолго-

ватой. Маленький караульный сидел, бесстрастно смотря в пропасть и что-то напевая.

Следопыт сделал движение обратно, подумав: «Нападу первым. Главное – неожиданность...» Но было поздно. Казалось, у туземца глаза на спине. Он резко вскочил, выхватив деревянный меч с кремниевым лезвием, и с невероятной прытью бросился в сторону европейца, что-то крикнув. Будь белый простым туристом, ему не посчастливилось бы, но человек с боевым ножом пришёл на Сьерра-Мадре-де-Чьяпас не просто так. Быстро поднявшись и отскочив за каменную стену, он спрятал свой тесак за пояс и криво усмехнулся.

Отважный туземец выскочил из-за поворота и нос к носу столкнулся с врагом. Грозный воин майя. Разве мог он знать, что такое настоящий рукопашный бой? Мгновение – и сильные руки белого убийцы ухватили голову темнокожего сына Чьяпасских гор. Резкий рывок – и позвоночник аборигена хрустнул прямо у основания черепа. Следопыт, обладающий дьявольской силой, словно мешок, бросил мёртвое тело в пропасть...

– Аррррр! – слышалось сзади, и белый человек, даже не успев оглянуться, получил страшный удар двумя ногами в спину.

Соплеменник только что убитого майя, оказывается, уже давно бесшумно следовал по пятам недруга. Индеец рассчитал верно. Бледнолицый великан обязательно потеряет бдительность, и в этот момент его легко можно сбить со скалы,

как горный орёл сбивает с обрыва зазевавшуюся козу. Бесшумный бег босых ног, разгон и – яростный скачок на ненавистного врага... Однако европеец даже не пошатнулся, абориген же, ударив ногами в эту «скалу», просто ухнул оземь. Кубарем перекатившись, майя словно забыл, что у него есть оружие. Он собрал все свои силы и оленьим прыжком в очередной раз отчаянно кинулся на соперника. Белый мужчина одной рукой ухватил его в воздухе и опустил на землю... уже мёртвым, засадив свой огромный тесак между рёбрами нападавшего. «Улетая» к предкам, маленький воин даже не понял, что с ним случилось.

Откуда-то сверху следопыт услышал крик грифа-урубубу. Он знал, что индейцы прекрасно подражают пернатым обитателям гор. Это кричал ещё один постовой, как бы проводя переключку. Мужчина с лёгкостью воспроизвёл ответный крик и устремился дальше.

Полминуты спустя, подходя к перевалу, откуда слышался клич, европеец превратился в самую осторожность. Глупо было ждать чьего-то пения, чтобы идти на голос. Тем не менее белый боец услышал слабый не то звук, не то писк и через несколько минут увидел индейца, сидящего спиной к нему и наигрывающего какую-то мелодию на незнакомом музыкальном инструменте. А справа от себя он заметил ещё одного майя, притаившегося между камней с боевой трубкой, свёрнутой из большого листа тропического дерева, и готового поразить цель.

«Неплохо для дикарей, – подумал следопыт, – на живца берут».

Майя за валуном выжидал, когда непрошенный гость подойдёт ближе, не подозревая, что раскрыт. Но вдруг белый враг испарился, в мгновение ока пропал из вида. Удивлённый туземец хотел было оглянуться, но получил тяжёлый удар кулаком в переносицу. Перед глазами парня поплыли красные круги, но надо отдать должное стойкости темнокожего бойца: он сразу выхватил топор и кинулся на врага. Но громадный белый подсел под нападавшего, и майя, перелетев через него, сорвался в пропасть. Следопыт повернулся в сторону второго воина, но того уже не было на месте – он сломя голову бежал по горной тропе вниз, и его было не догнать.

«Надо торопиться». Европейец сделал несколько шагов вперёд... Вот оно, пристанище Пернатого змея. Прямо в скале был небольшой круглый вход, обрамлённый серым камнем. Его-то и охраняли древние племена этих гор.

Позади себя следопыт услышал неистовый крик. Это где-то на скале повис майя, успевший «зарубиться» топором в отвесную стену и тем самым спасший себе жизнь. Индеец не сдавался и что есть силы звал своих.

– Писклявая дрянь. Ну погоди, дай только выйти.

Белый воин не стал мешкать, вынул из рюкзака маленький фонарик на резинке, надел его на голову, затем достал из нагрудного кармана куртки какую-то бумагу и, внимательно

всматриваясь в неё, исчез в пещере.

Менее чем через минуту он, довольный, под неослабевающие крики туземца, висящего на скале, выбрался обратно с небольшим глиняным сосудом. Осмотрев трофей, мужчина замотал его в тряпку и аккуратно положил в свой рюкзачок.

– Годится. А теперь к нашему крикливому другу.

Европеец был уже готов расправиться с орущим благим матом индейцем, как вдруг услышал топот множества босых ног и понял, что на расправу нет времени. Он посмотрел вниз с обрыва. Метрах в тридцати от него рос жидкий кустарник, ущелье уходило куда-то за поворот. А топот ног слышался всё ближе. Время на раздумья не было. Следопыт достал из рюкзака моток троса и быстро завязал какую-то странную петлю. Мгновение – и он уже спускался в пропасть, мерно отталкиваясь ногами от скалы. Он знал, главное – не ослабить натяжение троса, иначе смерть. Секунд через пятнадцать европеец стал ногами на каменистый грунт ущелья, развязался и дёрнул за конец альпинистской верёвки. Приспособление легко оборвалось и упало к его ногам. Узел британского горного спецназа, который обрывается вслед за спустившимся альпинистом. Хитрый узел... Но полезный. Теперь никто из индейцев не спустится по тросу вслед за беглецом. Время было выиграно. Мужчина с навыками супергерента быстро смотал трос и побежал между кустами уходящего вдаль ущелья. Что происходило у пристанища Пернатого змея, его уже не интересовало...

Извилистую змейку дороги вдоль хребта Сьерра-Мадре-де-Чьяпас смело можно было назвать горным серпантинном. Европейец в костюме сафари и летних туфлях уже второй час шёл по ночной дороге. «Где этот проклятый Рольф на своём драндулете, чтоб его черти взяли?» Непрístupная скала сменилась отрогом с прекрасными лесными видами, где тропическая растительность джунглей переходила в хвойные леса и заросли лимонных деревьев. Луна хорошо освещала эту часть гор. Лето, наступающее здесь в феврале, очаровывало запахом зелени вперемешку одновременно и с морским, и горным воздухом. Однако было опасно. Можно легко нарваться на забредших сюда гватемальских сепаратистов с оружием или, зайдя в лес по зову организма, встретиться с хозяином этих лесов – ягуаром. Ни та ни другая встреча не обрадовала бы любого путешественника...

Наконец европейец услышал звук двигателя и машинально поправил рюкзачок, в котором прощупывался заветный глиняный кувшин – то, ради чего пришлось рисковать жизнью ещё каких-то два часа назад.

Из-за утёса показался маленький крытый грузовичок. «Нет, это не Рольф, – мелькнуло у следопыта. – Ну и ладно, сам доберусь». Мужчина поднял руку, сложенную в кулак с большим пальцем вверх, – знак автостопа, известный во всём мире. Через две минуты он уже ехал в кузове машины, предвкушая гостиничный номер в Паленке с душем и чистой постелью...

Но сладостные мечты были прерваны знакомым звуком из тёмного угла фургона:

– У-у-у-а-а-а-а! У-у-у-а-а-а! А-а-а-ап!

И из темноты выступил маленький человек – мужчина лет шестидесяти, одетый в потёртую накидку из ягуара и в тонкую набедренную повязку, засаленную, словно её держали над коптильней.

Его появление было настолько неожиданным, что европеец раскрыл от изумления рот. Малыш-туземец снял с шеи какой-то мешочек, развязал его, едва держась на ногах от дорожной тряски, насыпал из него коричневого порошка на ладонь и дунул... Порошок вспыхнул огнём и заискрился, опадая на дощатый пол фургона. Глаза европейца заволокла пелена, тело будто налилось свинцом, и не было сил пошевелиться. Мужчина упал навзничь, его руки свело судорогой, а из груди вырвался сдавленный стон...

Он открыл глаза и сквозь пелену увидел голову крокодила... Рука по инерции хотела нащупать нож, но не было ни ножа, ни ремня, за которым этот нож мог помещаться, ни одежды. Европеец лежал на каменном возвышении абсолютно голый, со связанными руками и ногами. Перед ним стоял майя в накидке из крокодильей шкуры. Голова крокодила служила ему как бы капюшоном, и торчащие острые зубы были похожи на забрало средневекового рыцаря. Курандеро – так мексиканцы называют знахарей. Судя по взгляду дикаря, было понятно, что курандеро – это не обязательно

доктор. Он иезуитски улыбнулся и что-то залопотал на своём языке.

– Я – мирный путешественник, – с трудом пробормотал шпион, но его, похоже, не услышали.

К знахарю подошёл... тот самый воин, который несколько часов назад убегал со своего поста у пристанища Пернатого змея. Он что-то шепнул на ухо человеку с головой крокодила, тот в ответ кивнул.

Вокруг, насколько хватало взгляда, простирался лес, но сам европеец, как и два туземца, находились на какой-то возвышенности. Пленник, обладающий недюжинной силой, напрягся, в надежде разорвать свои путы, но не тут-то было. Странное растение, которым он был связан, не только не поддалось, но ещё и стало врезаться в запястья с силой не меньшей, чем его пытались разорвать. Мужчина застонал от боли.

– Вы не имеете права! Слышите, вы! Я представитель консульства...

Он не успел договорить. Курандеро поднял голову и испустил протяжный и уже такой ненавистный крик:

– У-у-у-у-а-а-а-а! У-у-у-у-а-а-а! А-а-а-ап!

В тот же миг на его крик из лесу вышло целое войско туземцев. Пожалуй, не войско, а деревня – мужчины, мальчишки, старики, женщины, дети. Услышав клич «крокодила», все стали подниматься на гору. Знахарь посмотрел нежданному гостю прямо в глаза. Только тут пленник заметил, что

зубы индейца заточены как-то особенно, на лбу болтается какой-то талисман, а глаза сведены в одну точку и смотрят так ужасно, что кажется, точно заглядывают в глубину души.

– Вы меня с кем-то путаете! – выкрикнул европеец, не уверенный, что его английский вообще кто-то понимает. И перешёл на язык, который, как ему казалось, в Мексике должны понимать все: – Вы говорите по-испански?

Собеседник удовлетворённо закачал головой. Будто понял, чего от него хотят. Но... вынул большой деревянный нож с кремниевым лезвием. При этом толпа туземцев довольно зарокотала. Здесь явно готовилось что-то ужасное.

– Лихаса! – слышался крик издалека.

И все присутствующие начали повторять это слово:

– Лихаса, Лихаса, Лихаса. – Этот звук распространялся волнами.

Мужчина не понимал ничего из того, что происходило. Ни эмоций, ни слов этого странного языка, на котором переговаривались аборигены. Это был язык майя, понятный им одним. Язык, письменность которого дошла до наших дней всего в нескольких рукописных монографиях. Но было совсем не похоже, что эти полуголые люди умели писать и читать.

К пленнику подбежали две девушки, которые разложили вокруг него пучки колючей сарсапарильи и принялись растирать плоть белого воина благовониями из неизвестных трав и масел. Их темнокожие тела, почти ничем не прикрытые,

отблёскивали в свете факелов, которые держали два молчаливых майя, стоявшие в изголовье у лежащего пленника.

– Что это? Зачем вы меня натираете? – удивлённо спросил европеец, но ему никто не ответил.

Рокот племени нарастал, и вот из лесу выступила та, прихода которой, видимо, ждали дети гор. Древняя как мир жительница джунглей Мексики стояла, одетая в шкуру броненосца с роговыми пластинами. Испещрённое морщинами бронзовое лицо без тени эмоций. Худые как плети руки, выглядывающие из-под накидки, крепко держали посох из красного дерева махагони. Верхняя часть посоха была украшена... сухим человеческим черепом. Гордый взгляд дикой королевы джунглей. Это была Верховная жрица майя – Лихаса.

Женщина с невероятным проворством для её лет забралась на возвышенность, минуя павших ниц соплеменников. Пленник не смотрел в лицо старухи, он не думал о её руках, её странном одеянии, он не мог оторвать взгляда от маленького человеческого черепа на посохе. Глаза черепа мерцали слабым светом.

– Я-а-а... я хотел попросить у вас прощения, – холодея и запинаясь, начал следопыт.

Это не была трусость. Мужчина почувствовал, как ослабли его путы. Он был готов сорваться с места и ценой невероятных усилий совершить ещё один побег. Но его тренированное тело на этот раз не слушалось. Он не мог пошевелить

ни пальцем. К тому же ему показалось, что он стал понимать майянскую речь.

– Зачем ты звал меня, Адэхи?

Курандеро поклонился.

– О, великая, этот человек оскорбил святыню – проник в пристанище Пернатого змея и похитил манускрипт Кетцалькоатля².

– Я путешественник, я просто шёл по дороге, потом меня схватили в машине и... – слабо оправдывался вор.

– ...Он лжёт, – продолжил Адэхи на майянском, – он убил младшего сына вождя Азула во время Великой миссии.

– Великая миссия – охранять то, что нам оставили боги, – равнодушно отозвалась Лихаса. – Этот человек замышлял против них. Что ж, пусть послужит богам.

– Готов! Готов служить! – закричал бледнолицый на английском языке. Он будто понимал, о чём говорят индейцы, но удивляться не было времени. Нужно было искать пути к спасению.

Лихаса одобрительно кивнула.

– Великий правитель Кетцалькоатль будет доволен. Он заботится о нас! А мы заботимся о нём!.. Адэхи, приступай! – С этими словами жрица ударила посохом оземь.

Издав уже знакомый клич, курандеро повернулся к племени и воздел руки. Аборигены отозвались дружным воп-

² Кетцалькоатль, он же Кукулькан – один из главных богов тольтеков, ацтеков и майя, в дословном переводе – Пернатый змей.

лем радости. Белый пленник почуял неладное. Где-то ударили барабаны, и аборигены затагнули весёлую и на удивление очень мелодичную песню. Они закружились в танце, то и дело поднимая руки к небу и поворачиваясь к горам. Затем цепочкой пошли мимо пленника, заваливая его какими-то тропическими цветами. Каждый оставлял у каменного лежа пленника букет. Процессия всё шла и шла, а европеец уже, казалось, был безразличен ко всему происходящему – это действовали травы, которыми его натёрли девушки майя. Где-то забили барабаны – «праздник», похоже, стал подходить к развязке. Две майянские красавицы – те самые, которые натирали пленника благовониями, – встали рядом с пленником с огромным блюдом в руках.

К лежащему на жертвенном алтаре белому шпиону подошёл курандеро Адэхи и занёс над ним большой каменный нож...

– ...Затем жрец вскрывал грудь жертвы одним ударом ритуального обсидианового ножа, вырывал сердце и, ещё трепещущее, подносил его на блюде верховной жрице. Она торжественно собирала струящуюся кровь в чашу и обмазывала статуэтку божества, которому предназначалось жертвоприношение.

Андрей Рогов стоял посреди большого зала на международном симпозиуме этнографов в Варшаве и выступал перед гостями, подкрепляя свой рассказ фотографиями майя-

янских барельефов. Разношёрстная толпа журналистов, учёных и просто зевак внимательно слушала рассказчика, с интересом рассматривая великолепную фотовыставку.

– Потом с мёртвого тела сдирали кожу, – продолжал журналист, – и один из жрецов снимал с себя одежду, облачался в столь жуткое кровавое одеяние – кожу убиенного и совершал ритуальный танец в честь удовлетворённого бога.

– Какой ужас! – с неподдельным испугом воскликнула блондинка, стоящая в первом ряду слушателей.

Её большие красивые глаза были настолько искренними, что Андрей не удержался.

– Ничего страшного, мадемуазель. Это было давно... и почти неправда, – улыбнулся журналист, довольный произведённым впечатлением.

– Скажите, мистер Рогов, – вклинился в разговор какой-то мужчина средних лет в очках, одетый, как школьный учитель труда, в халат, – допускаете ли вы мысль, что и в наше время может происходить что-нибудь подобное?

– Не думаю, – опять улыбнулся Рогов, – вы просто не успеете доехать к месту жертвоприношения. С вас сдерут семь шкур ещё в кассе аэропорта.

Удачная метафора расслабила зрительские массы, и Андрей понял: пора заканчивать.

– Итак, друзья, думаю, я рассказал вам в общих чертах, о чём написал в своей новой книге «Дорогами профессора Изотова». Благодаря этому человеку было раскрыто множе-

ство загадок древней цивилизации майя. И я не мог не написать такую книгу. Всем спасибо!

– Извините, пан Рогов... – К Андрею подошла высокая стройная брюнетка, но её буквально смели желающие взять автограф и задать вопросы.

Андрея окружили со всех сторон, и он минут через десять пожалел о том, что благодаря компьютеру почти разучился писать – с непривычки онемела рука, держащая ручку. Наконец, когда все желающие были удовлетворены и на все вопросы были даны ответы, Рогов перевёл дыхание.

В сторонке на одном из стульев сидела та самая брюнетка, которую смели. Журналист, почему-то почувствовавший себя виноватым, направился к ней.

– Пани не удалось взять автограф? – добродушно спросил Андрей на польском.

– Оу-у-у. Пан говорит по-польски? – растерялась Изабелла.

– С красивыми девушками нужно говорить на их родном языке, – отшутился Андрей.

Прекрасная полька покраснела и сбилась. Но сбился и Андрей. Девушка ему действительно понравилась. Однако брюнетка почти сразу взяла себя в руки и поднялась со стула.

– Изабелла Гершвин, – представилась она. – Где можно купить вашу книгу?

– Вынужден вас расстроить, пани Изабелла, – вздохнул Андрей, – к сожалению, первые пятьсот экземпляров разо-

шлись ещё до выхода в открытую продажу.

– Какая жалость... – начала было Изабелла, но Андрей тут же сказал:

– Но для вас я могу сделать исключение. У меня есть несколько сигнальных экземпляров моего творения, которые я приберёг для зарубежных поездок.

– Я буду очень вам признательна.

– И это всё? – перешёл в наступление журналист.

Этим вопросом он загнал девушку в тупик.

– А что ещё?

– А кофе?

Девушка рассмеялась. Она не могла отказать в общении этому мужчине. Высокий, крепкий, далеко не глупый, с ироничным взглядом и лёгкой сединой на висках. В нём было что-то настоящее, пусть ироничное, насмешливое, но не льстивое и липкое.

...В старом варшавском кафе они сидели уже два часа. Смотритель этнографического музея Изабелла Гершвин и журналист Андрей Рогов. Андрей сам не понимал, что с ним творится. Девушка, которой на вид не было и двадцати пяти, просто очаровала его. Говорили о Мексике, о Чьяпасе и Теотиуакане, о древних жрецах Кукулькана и о пирамиде Солнца, о празднике весеннего солнцестояния и о «яйцеголовых» правителях древних племён полуострова Юкатан... Казалось, Изабелла знает о Мексике всё. Невероятно!

– Возьмите меня с собой в Мексику, – вдруг попросила

Изабелла, – мне, как этнографу, это будет очень интересно.

Эта просьба подействовала на Рогова совершенно неожиданным образом. «Работает под дурочку из музея. Что-то не так», – подумал он. Андрея заставили насторожиться события последних двух лет. Он слишком многим доверял, и это едва не погубило его. Мужчина давно перестал делиться секретами своей профессиональной деятельности во избежание неприятных неожиданностей, а тут сразу и в лоб. «Смазливая крошка набивается в экспедицию. Это неспроста».

– Зачем вы меня обманываете? – Рогов внезапно посмотрел в глаза прекрасной собеседнице и понял: она действительно что-то скрывает.

Изабелла отвела взгляд в сторону.

– Вам же нужно совсем не то, в чём вы меня пытаетесь убедить. Вам решительно наплевать на этнос.

Девушка молчала, хлопая глазами. Она была раскрыта. По крайней мере, Рогов вычислил её.

– Вам нужен Изотов... Вернее, его труды. Так?

– Изотов? – удивилась Изабелла. – Кто это?

– Не валяйте дурака, Изабелла! – рассердился Андрей. –

Вы прекрасно знаете, о ком и о чём я говорю.

– Клянусь богом...

– Изящная работа, Изабелла. Обустроить всё так, чтобы журналист Рогов сам пригласил вас на кофе. Правда? – прищурился Андрей. – Затем вы очаровываете мужчину своими великолепными данными, как физическими, так и умствен-

ными... А затем он берёт вас с собой в путешествие.

– Андрей, что вы себе придумали? – Изабелла удивлённо смотрела на журналиста. – Я этнограф и историк, я просто люблю Мексику.

– Так... Разговор окончен.

Журналист подал знак официанту и быстро рассчитался за ужин карточкой.

– Андрей Петрович... вы возьмёте меня с собой. Вы без меня не справитесь! – Теперь Изабелла пристально посмотрела в глаза Рогову.

– Конечно! Как же я без помады и косметички? – усмехнулся тот, вставая со своего места.

– Мистер Рогов...

– О! Уже мистер! А два часа назад был паном... На кого работаете, красавица?

– Идиот! – пробормотала Изабелла.

– Отлично!.. В таком случае... – Андрей достал из кармана ручку. – Это всё, что я могу сделать для вас. Вы ведь за автографом приходили? – продолжил журналист, расписываясь на каком-то буклете. – Честь имею! – И вышел из кафе.

Он негодовал. Надо же! Он почти поверил и уже сам был готов предложить Изабелле поехать с ним, но что-то ёкнуло внутри – уж не подослана ли она к нему? И оказался прав. Его опять «ведут». Вот только кто? И зачем?

Глава 2. Страсти по Мексике

Март в этом году выдался тёплым, и даже вечером можно было не кутаться. В воздухе стоял запах приближающейся весны. Фасад немаленького уютного дома в глубине двора был освещён небольшими прожекторами, и силуэты стройных кипарисов, посаженных по всему периметру, будто говорили: «У хозяина этого особняка со вкусом всё в порядке».

Андрей стоял под навесом во дворе, надев передник, отчего выглядел весьма забавно. Крепкая, мускулистая шея, руки, способные разогнуть подкову... При этом прекрасное настроение и одухотворённый взгляд ваятеля перед завершением скульптуры, не иначе... И только попробуйте сказать такому повару, что приготовлено не вкусно. На гриле жаривалась утка с черносливом.

– А ты неплохо смотрелся бы в новом кулинарном шоу, – едва сдерживая смех, сказал Макс Калущий. Андрей только покачал головой в ответ.

– Да ты только представь, – не унимался продюсер, – шоу от журналиста-путешественника «Копчёные рога от Андрея Рогова»!

– Ну, твою фамилию вообще лучше не склонять, – парировал журналист, снимая с решётки утку и аккуратно выкладывая её на блюдо, украшенное листьями салата и свежими

овощами.

– Андрюх, я чего приехал... – Макс перевёл дыхание и сделал многозначительную паузу.

Он приехал к Рогову без предупреждения, чего раньше не случилось.

– Утку с черносливом поесть, коньячку грузинского выпить, – дружелюбно сказал Андрей.

Журналист прекрасно понимал, что Калуцкий приехал не просто так, но ему не хотелось говорить о работе в такой прекрасный вечер. Накануне командировки в Мексику лучшего и нельзя было придумать – отдых дома с отличным коньяком и, пожалуй, единственной правильной закуской к нему.

Андрей опустил на стул из красного дерева, неторопливо откупорил бутылку и налил тягучего душистого зелья в пузатые коньячные фужеры себе и Максиму.

– Только не говори, что я тебя спаиваю. Сам напросился, – продолжал шутить Рогов.

– ...Дрюх!

Рогов взял свой фужер двумя руками и слегка взболтал напиток. Коньяк, неторопливо стекая по стенкам, оставил на них маслянистый след.

– Хорошо! – воскликнул он, будто не слыша Максима.

– Андрей! – наконец решился Макс, кашлянув. – Я приехал сказать... чтобы ты не ездил в Мексику. Нам это не нужно...

– Что я слышу? – Рогов удивлённо поднял брови.

– То и слышишь! Не ездил, – выпалил Макс и, не чокаясь, залпом выпил коньяк.

Андрей же не стал пить, поставив свой фужер на столик.

– Так. Рассказывай. Что случилось?

– Ничего, просто не ездил. Нам этот материал не нужен, и всё...

Андрей пристально посмотрел на Макса. Тот сделал вид, что думает о чём-то своём, уставился в одну точку, но, всё же чувствуя взгляд Рогова на себе, начал ёрзать на стуле, продолжая глядеть куда-то в сторону.

– И не проси! Понятно? У нас и так везде завал. Никаких программ не делаем по историческим местам родины. Вот мне вчера звонили из Министерства культуры...

– Ма-акс! – перебил Андрей с укоризной.

– Я сорок семь лет Макс! Где программа об Алтае? О Земле ягуаров? Где?

Макс наконец скосил глаза на Андрея. Тот смотрел на продюсера так, как мог смотреть только он. Ирония, насмешка, стёб? Трудно подобрать эпитет, когда человек одним своим взглядом выражает фразу: «Ну, кому ты рассказываешь? Дурачка нашёл?» Калуцкий почувствовал, что не произвёл должного впечатления, и продолжил:

– К тому же. Ты из Непала вообще мог не вернуться! Ты забыл, как тебя чуть не убили?

Да, это действительно была страшная поездка. Год назад Андрей чуть не погиб, путешествуя по королевству Ло

(Верхнему Мустангу).

– Ты только-только закончил реабилитационный курс! – продолжал Макс. – Тебе мало приключений?

Андрей молчал, продолжая смотреть на Макса, как бы испытывая его.

– Я, если хочешь знать, вообще не собираюсь терять журналистов. У меня нервы не железные. Я тебя вообще уволю!

Макс уже не знал, что говорить, настолько его положение было нелепым. Он схватил бутылку с коньяком, сам себе налил и выпил, как на поминках.

Андрей, выслушав весь этот поток безысходности от Калущкого, коротко кашлянул и улыбнулся.

– Ну вот давай, в Мексику съезжу – и увольняй, – безапелляционно заявил он.

Калущкий сидел в иступлении. Он понимал, что эту скалу ему не сдвинуть. В это время Андрей неторопливо взял свой фужер, сделал глоток и принялся за утку.

– Ешь, пока не остыло. А то что, я зря старался?

Макс продолжал смотреть на Андрея, которому, казалось, всё нипочём.

– Ну, тогда я поеду с тобой! – заявил он, раздувая ноздри.

– Два воина-интернационалиста в одной экспедиции – это слишком много, – опять отшутился Рогов.

– Но тебя могут убить!

– Когда ты меня отправил в Папуа, к людоедам, да ещё к торговцам людьми, ты так не говорил, – усмехнулся журна-

лист.

Да, это было. Ещё до поездки в Непал Андрей отправился в не менее насыщенную командировку в Папуа – Новую Гвинею, где, сам того не ведая, вырвал жену и приёмную дочку Макса из лап местной банды, торгующей «живым товаром».

– Кстати, как твои девочки? – обыденно спросил Андрей.

– Отлично! Работают, учатся, живут... Ты мне зубы не заговаривай! – рассердился Калуцкий. – Ты меня когда-нибудь будешь слушаться?

Андрей вдруг стал серьёзным.

– Макс, давай начистоту. Я этой поездки ждал полжизни.

– Не ври! Ты был там три года назад.

– Был! И на симпозиуме использовал старые фотографии, трёхлетней давности. Каюсь. Но дело не в этом. Сейчас... я кое-что для себя понял, и эта поездка будет не простой командировкой.

– У тебя последние командировки все непростые! – взвился Макс.

– Подожди, не кипятись, – серьёзно оборвал его Андрей, – ты себе не представляешь, что я оттуда привезу. Это будет такой эксклюзив, что все Би-би-си с «Дискаверями» будут плакать от зависти и лезть на стены в бессильной своей несостоятельности.

Макс молча слушал, а Андрей продолжал убеждать:

– Это не просто этнографическая экспедиция с надеждой поймать кадр. Назревает такая сенсация, что Нобелевский

комитет пропьёт все деньги, чтобы не давать нам.

– И что же это за сенсация? – Калуцкий спросил не столько из любопытства, сколько от бессилия, что ничего не может сделать, чтобы оставить Андрея дома.

– Я съезжу, а там видно будет. Макс, я тебя когда-нибудь обманывал?

Калуцкий молчал.

– Давай, как раньше, доверять друг другу. А насчёт меня не беспокойся. Лучшая смерть для актёра где? На сцене. А для путешественника?.. Правильно! В путешествии!

Калуцкий испуганно посмотрел на Рогова и уже хотел было возразить, но Андрей максимально изменил свой тон на примирительный и весёлый:

– К тому же там бояться нечего, Макс. Там тебе ни людоедов, ни кровожадных дикарей, расчленяющих людей в угоду древним божествам. На дворе – двадцать первый век! Да и всё готово к отъезду! Не разбирать же мне походную сумку, в самом деле. Давай за успех!

Звон фужеров – и друзья уже через некоторое время забыли о спорах, беззаботно болтая о делах на телеканале в отличном настроении от рано пришедшей весны.

«Ещё немного – и я поверю в Бабу Ягу и Кощея Бессмертного, – думал Андрей, сидя на скамейке во дворе. – Просто сказка. Нереально тёплый март». Такое бывало и в детстве, когда мальчишки по велению тёплого солнышка на улице

втайне от родителей убежали в школу без шапок, а девушки путешествовали в юбках гораздо выше колен. Теперь же это казалось какой-то приметой перед отъездом в командировку – хорошей приметой или плохой, Андрею предстояло узнать уже через несколько дней, когда самолёт совершит посадку в аэропорту Сити Хуарез интернешнл в Мехико. А пока Андрей наслаждался своим прекрасным двором, устроенным как хотелось: с кипарисами, с молоденькой айвой, саженцы которой привёз из любимого Сочи. Думалось о жизни, такой насыщенной и яркой, о планах на будущее, о дочках...

– Па, ты опять не одетый сидишь? – Старшая из дочек, девятнадцатилетняя Настя, с ветровкой под мышкой вышла из дому. – Как маленький, честное слово. – Девушка накинула куртку отцу на плечи.

Андрей молчал и довольно улыбался. Настя очень похожа на него, особенно когда возмущается. Дочка села рядом и некоторое время молчала, затем украдкой посмотрела на него.

– Когда едешь, пап?

– Послезавтра. А что? – Андрей посмотрел на Настю. – Ты обычно не очень этим интересуешься. Видать, что-то очень нужно?

– Да нет... – смутилась девушка, – просто спросила.

– Ну-ну, рассказывай, – недоверчиво подначил её Рогов...

Пауза затягивалась, Настя смотрела на свои тапочки-ба-летки.

– Папа, у меня к тебе серьёзный разговор.

«„Я выхожу замуж“, – продолжил про себя Андрей. – Всё, Рогов, приплыли. Из гнезда начинают разлетаться».

Андрей, конечно, понимал, что когда-нибудь это случится. Никуда не денешься. Природу не обманешь. Но такие известия для родителей почти всегда как снег на голову. Он и не заметил, как его дочка выросла. Сейчас он услышит то, что хотел бы оттянуть, но Настя тянула сама.

– Ну, говори, дочка. Я знаю, что ты хочешь сказать.

– Папа, это не то, что ты думаешь.

Андрей чуть не крикнул: «Только этого мне не хватало. Оказывается, всё совсем по-взрослому. Доездили по командировкам. Ну-ну, пусть расскажет...» – Андрей вспотел от волнения.

– Не то, что я думаю... Все так говорят, дочка. Выкладывай, я приму твою правду, какой бы горькой она ни была.

– Папа, возьми Руслана с собой в Мексику.

Андрей шумно выдохнул.

– Это всё?

– Всё.

Руслан Кульбашный – Настин однокурсник – ничем особенным себя не проявлял. Да и как себя проявишь, когда он на самом деле – ни рыба ни мясо. По-настоящему Андрей даже не запомнил его лица. «Да и чего его разглядывать? Не я же с ним встречаюсь», – думал Андрей. К сожалению, у современных девушек – чтобы парень был, а какой, это не

всегда важно. Главное, он есть, и не стыдно перед подружками. А сейчас глупенькая Настя хочет, чтобы он, Андрей Рогов взял с собой в командировку этого ботаника.

– А больше ты ничего не хочешь? – Андрей, который ещё минуту назад был готов ко всему и которому теперь явно полегчало, вдруг расхохотался.

– Хочу, – сказала Настя, обиженно поджав губки, – но не скажу, раз ты такой...

– До-о-о-ча, – примирительно протянул Андрей, – ну что ты себе придумала? – Он обнял Настю за плечи. – Ну, ты себе представляешь этот цирк? Экспедиция в Мексику по блату. Я же еду не на солнышке греться.

– Руслан тебе будет очень полезен.

– Детский сад, честное слово, – опять засмеялся Андрей.

– Не такой уже и детский сад. Ему, между прочим, двадцать семь лет! И наш иняз – это его третий институт, – обиделась Настя.

– А зачем так много-то? – удивился Рогов.

– У тебя у самого два высших образования. Зачем?

– Так он в армии не служил?

– Ты не переживай, – стала уговаривать Андрея дочка, – у Руслана разряд по спортивной ходьбе.

После этих слов Андрей не выдержал и снова расхохотался.

– А по спортивному поеданию пельменей у него нет разряда?

Андрей никак не мог остановиться. Ему становилось все веселее и веселее.

– Здравствуйте! – послышалось за спиной, и Андрей осёкся.

Перед ними стоял высокий молодой человек, худой, но с широкими костлявыми бёдрами, с выпирающим кадыком и ярко выраженной нижней челюстью. Это был Руслан. «Госсподи! – по достоинству оценил отец бойфренда своей дочки. – И что она в нём нашла? Ему только в мультфильмах сниматься».

В руках у парня была магнолия в маленьком горшочке. «Ты ещё кактус принёс бы», – подумал Андрей.

– Магнолия! Вау! – засуетилась Настя, соскочив с лавки. – Папа! С тобой же здороваются!

– Привет, – только и сказал Андрей, выходя из ступора.

– Папа! Так мы договорились? – спросила Настя, нюхая магнолию. – Ты берёшь Русика с собой в Мексику?

– Настя, перестань, – одёрнул девушку Руслан.

– А что Русик умеет? – неожиданно для самого себя спросил Андрей, ведь он вообще считал несерьёзным этот разговор, и Руслан стеснительно посмотрел куда-то себе в ноги.

– Руслан знает четыре языка! – гордо заявила Настя.

– Настя, я же прошу, не надо, – ещё больше стушевался парень.

– Вот как? – поддельно удивился Андрей. – Ну, думаю, для студента иныза это не великое достижение.

– Я с вами абсолютно согласен, Андрей Петрович! Ерунда это всё. Настя любит пофантазировать.

– Ты же сам говорил, что попасть в Мексику – мечта всей твоей жизни! – возмутилась Настя.

– Ну, мало ли у кого какая мечта? – заскромничал Руслан.

– Ладно, парень, – продолжал Андрей, сам не понимая, что с ним творится, – дам тебе шанс. Удиви меня!

Воцарилась пауза. Трое: Андрей, Настя и Руслан переглядывались. Это был весьма неожиданный поворот в разговоре.

– Удиви его, слышишь?! – приказала Настя Руслану, будто это было пустяковым делом.

– А как удивить? – слегка рассердился Руслан. – Подпрыгнуть?.. Нет, Андрей Петрович, вы простите, но мне, видимо, ещё рано удивлять.

– Тогда пошли в кино! – выпалила Настя. – А то я окончательно расстроюсь!

Руслан попрощался и под руку с Настей двинулся к калитке. Андрей почему-то решил не отпускать парня так сразу.

– Какие языки знаешь? – сказал он громко вслед уходящим.

Молодёжь остановилась, и Руслан повернулся к Андрею.

– Давай так. Ты знаешь четыре языка? И я четыре. Если хотя бы два из них совпадут, то ты проиграл. Идёт? – Андрей испытующе посмотрел на Руслана.

Тот молча кивнул.

– Ну?

Руслан стоял в нерешительности.

– Только не говори, что знаешь русский, – подзуживал Андрей.

– Английский.

– Знаю.

– Немецкий.

– Знаю немецкий! Ты проиграл, парень. Путёвка в Мексику аннулируется, – резюмировал Андрей.

– Так нечестно! – вмешалась Настя. – Он ещё испанский знает, а ты не знаешь!

– А ну цыц! – шутливо приказал Андрей Насте и обратился к Руслану: – А четвёртый какой?

– Майяский...

– Что? Какой-какой? – переспросил Андрей.

– Это какой? – вслед за отцом удивилась Настя.

– Майяский... Язык майя, – скромно сказал молодой человек.

– Не знаю такого языка. Знаю майянский, – насупился Андрей, – вернее, не язык знаю, а как называется.

– Правильно говорить – майяский, – спокойно объяснил полиглот. – Майянский – это больше на английский манер, а у нас словообразование другое.

– Ну-ну, умыл, умыл, – довольно улыбаясь, проворчал Андрей. – А откуда его знаешь, если не секрет?

– Не секрет, Андрей Петрович, у меня дедушка занимался

историей и этнографией древних племён Мексики, ну и... меня научил.

– Так-так-так. И кто же твой дедушка? – уже с неподдельным интересом спросил журналист.

– Вы, наверное, о нём и не слышали, Андрей Петрович. Профессор Толубеев.

– Хм. – Хитрый огонёк зажётся в глазах Рогова. – А ну, скажи что-нибудь...

Руслан начал бегло воспроизводить какие-то странные стихи на непонятном языке. Настя смотрела на парня как замороженная, а Андрей, не подавая виду, что удивлён, рассуждал про себя.

В том, что это был язык, а не набор звуков, сомнения не было. Рогов слишком хорошо знал лингвистику и фонетику, чтобы понимать, что эта гортанная речь принадлежит какому-то народу. Но какому?

– Хорошо, хорошо, – прервал журналист Руслана. – А написать сможешь то, что сказал?

Это был последний тест, как казалось Андрею, самый верный. Парень виновато улыбнулся:

– Не смогу, Андрей Петрович. Дедушка говорил, что этот язык без письменности. Вернее, письменность была, но она давно утеряна. Конкистадоры постарались.

– Это да, – грустно поддержал Руслана Андрей, – столько лет истреблять индейцев... настоящий геноцид... Ладно, проехали. Загранпаспорт есть?

Настя взвизгнула и кинулась к отцу на шею.

– Я же говорила, что у меня лучший папочка на свете!

Это была маленькая победа молодёжи над старшим поколением. Андрей принял решение мгновенно. Руслан будет полезен. Он знает испанский – это хорошо, переводчика нанимать не нужно, и если действительно знает майянский (а похоже, не врёт), это вдвойне хорошо. Хитрые тамошние проводники, как правило, родом из местных племён, будут под контролем, и их тарабарщина будет переводима. Ведь на древнем языке майя многие мексиканские племена индейцев разговаривают по сей день. А что касается внешности? Ну, так с лица воду не пить, как говорится. Профессор Изотов, великий исследователь майянских иероглифов, тоже особой внешностью не отличался...

Глава 3. Вицлипуцли – божество или проклятие?

Маленький Юра был неказист. Может, потому, что его бабушка – молдаванка, а может, из-за того, что просто внешне – чернявый, худой, угрюмый, молчаливый. Правда, если и говорил, то обязательно в точку, даже в свои неполные семь лет, и это очень не нравилось соседкам. Сплетницы недолюбливали «младшенького Изотова» и за глаза называли его чертёнком. Юра действительно был не такой, как все мальчишки. Он всегда здоровался, ни с кем не дрался, не хитрил и не ябедничал, и что-то в его внешности было пугающее, удивительное – глубоко посаженные чёрные глаза, остро очерченные черты лица... в общем, «несвойский», а стало быть, и «неказистый».

Мальчик родился в семье инженера и жил не в роскоши, но воспитание получал достойное, как это и положено сыну интеллигента.

Как известно, в конце двадцатых годов Харьков хоть и был столицей Украинской ССР, но измученные революциями и Гражданской войной горожане жили совершенно не по-столичному.

Интеллигенция стала бедной, а ни в чём не нуждались только нэпманы, разбогатевшие на человеческом горе – го-

лоде, нищете. Это были времена, когда по городу ездили извозчики, а основным видом транспорта был трамвай; мальчишки ещё не играли в футбол – не было у него такой популярности, зато играли в лапту и крокет...

– Борька, лови! – Старший брат Лёнька залихватски ударил по шару деревянным молоточком.

На зелёной лужайке перед домом играли в крокет братья Изотовы. Четверо мальчиков впервые после зимы вышли на солнышко, и их детское щебетание для кого-то было криком, а для кого-то музыкой, извещающей, что весна пришла и жизнь продолжается. Сестричка Галя в сторонке переодевала старенькую, ещё мамину немецкую куклу.

– Лёнька, лови! – Средний брат Борька жажнул молоточком в ответ.

В следующую секунду семилетний Юра лежал на траве у дома без сознания. Испуганные Боря, Лёня и Серёжа стояли над ним, а маленькая Галочка взвизгнула от ужаса и, рыдая, побежала в дом. Во дворе беспомощно осталась лежать всё ещё не одетая кукла Гертруда...

Пожилой врач Эдуард Вениаминович, с благообразной бородкой и круглым животиком, поправляя пенсне, достал из саквояжа блокнот с рецептурными бланками.

– Что ж, дорогие мои. Покой, покой и ещё раз покой... – Он размашисто и неразборчиво принялся выписывать рецепт.

Около семейного врача сгрудились все домашние: мама

Александра Сергеевна, братики, в стороне горничная Люся успокаивала малышку Галочку.

– Дадите валериану, – продолжал Эдуард Вениаминович, – обязательно – ромашку, чабрец.

– Какие ромашки, доктор! Он же ослеп! – заплакала Александра Сергеевна.

– Ну, ну, ну... Александра Сергеевна. Это у Юрочки нервное. Надо снять напряжение с глазного нерва. Я не зря сделал мальчику кровопускание. Это снимет общую нагрузку.

В стороне на диване лежал бледный как смерть Юра, его глаза уставились в одну точку, как у всех слепых. Рядом сидела ассистентка доктора и на всякий случай придерживала мальчика руками, поглаживая по плечу.

– Всё хорошо, маленький, пиявочки своё дело сделают.

– Мама, – отрешённо позвал Юра.

И все присутствующие сразу затихли.

– Мама! – повторил мальчик.

– Да, сыночка! – бросилась к сыну Александра Сергеевна.

– Осторожно, он может бредить, – спокойно заметил врач.

Но бедная мать не обратила на слова доктора никакого внимания. Встав на колени у дивана, она взяла руку Юры, зажав её двумя ладонями.

– Я вижу! – после длительной паузы сказал мальчик.

Присутствующие звучно выдохнули, а горничная стала неистово креститься:

– Прости нас, грешных, Господи!

Только доктор поднял палец вверх, дескать, рано радоваться.

– Юрочка, сынок. – Александра Сергеевна принялась целовать руку мальчика.

– Он пришёл!

– Кто пришёл, сыночек? – Женщина растерянно посмотрела на врача.

Тот только пожал плечами.

– Птица-дядя... Дядя-птица... Разноцветный!..

– Ну, вот видите, я же говорю – бредит, – сокрушённо режумировал доктор. – Надо оставить мальчика в покое. Ему нужен покой, сон...

– У-у-у-у-а-а-а-а! У-у-у-а-а-а! А-а-а-а-а! – вдруг закричал Юра.

– Господи, Юра, что с тобой?! – вскрикнула мать и разрыдалась.

От этого вздрогнули все братья Юры, а Галочка в очередной раз заплакала.

– Люся, уведите детей на улицу, – скомандовал доктор служанке. А сам подошёл к Александре Сергеевне и обнял её за плечи: – Я же говорил, чудес не бывает, Александра Сергеевна.

– А может, это б-бесы? – едва выдавила из себя женщина.

– Ну-у-у, – улыбнулся Эдуард Вениаминович, – вы же цивилизованная женщина. Бросьте эти пережитки.

Внезапно Юра подхватился и что-то громко закричал на

непонятном языке. Его глаза казались пустыми, ничего не выражающими. Александра Сергеевна опять вскрикнула, а доктор с удивлением посмотрел на ребёнка:

– Хм... Интоксикация?.. Более чем странно... А ну-ка, ну-ка...

Мужчина посмотрел мальчику в глаза и, подняв его веки, осмотрел белки.

– Да нет. На желтуху не похоже...

– Эдуард Вениаминович, что с ним? – с мольбой в голосе спросила Александра Сергеевна.

Тот взял Юру за руку, нащупал пульс, потом потрогал лоб мальчика.

– Жар... Очень сильный жар.

Взрослые оставались рядом, им было и невдомёк, где в это время находился разум мальчика, что видел и ощущал маленький Юра Изотов...

Солнце пекло в самую макушку. В чьяпасских лесных долинах стоял тропический полдень, а здесь, на возвышенности, горячий ветер обдувал лицо. Незнакомые места... Горы, деревья, которых Юра никогда и не видел и о которых он потом будет не раз рассказывать родным. Те, в свою очередь, станут считать его фантазёром, поскольку тоже никогда не бывали на побережье Тихого океана. Но сейчас... этот знакомый край, со странными птицами, деревьями и... людьми?

Перед Юрой стоял человек, который смотрел будто сквозь

него. Он был очень страшный – почти голый, только на плечах висела шкура какого-то неизвестного зверя (позднее мальчик узнает, что это шкура броненосца). Лоб удивительного темнокожего мужчины был словно зажат в тиски, голова заканчивалась жиденькой кучкой волос, отчего сам человек напоминал кукурузный початок. Глаза дикаря скошены почти до переносицы, а на лбу висела громадная бусина. И от этого туземец казался более страшным.

А ещё были люди. Много людей. Большие и маленькие, старые и молодые, взрослые и дети. Голые спины согнутых в пояснице жителей целого племени. Они кланялись страшному жрецу, повторяя слова его мантры на непонятном языке. На большом холме, на столе из грубо обработанного камня лежал распростёртый человек. Лицо его было отрешённым, а губы что-то беззвучно шептали.

Вдруг человек в шкуре животного поднял руки вверх, и из его груди вырвался гортанный звук:

– Ви-и-и-и-и-и-и-и!

Племя, как по команде, разогнулось, тоже подняло руки кверху и повторило:

– Ви-и-и-и-и-и-и-и!

Так повторилось трижды, и вдруг, словно на зов людей, где-то вдали послышался гул, и земля содрогнулась. Что это?

Если бы Юра родился на шестьдесят лет позже, он мог бы представить ракету или реактивный самолёт, летающую тарелку или луноход, но ничего, кроме трамвая, мальчик из

южнорусского городка представить не мог. Гул нарастал и отдавался в мозгу тяжёлыми ударами, он напоминал протяжный крик племени «Ви-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и...».

Неожиданно откуда-то из-за спины Юры на поляну выступил... человек – не человек... Существо огромного роста, превосходящий любого из племени раза в два. Тело великана было покрыто перьями, которые горели разноцветными огнями, словно новогодняя гирлянда, но это был не карнавальный костюм. Что-то подсказывало, что эта одежда была не праздничной. Но откуда об этом мог знать маленький Юра? Он стоял здесь, но был невидим для присутствующих, а они были видимы, но неосязаемы для мальчика. Его удивление было сильнее страха. Вернее, страха даже не было, было безмерное, бесконечное любопытство. Человек-птица поразил его.

Действительно, черты лица этого исполина можно было назвать птичьими. Небольшие глаза и острый, загнутый крючком нос на бронзовом лице делали его совсем непохожим на тщедушных, широконосых туземцев, которые с невообразимым трепетом, не в силах отвести глаз, смотрели на это чудо природы. Нет, даже не чудо, а божество. Да, он был для них божеством – этот великан, то ли прилетевший на огненной колеснице, то ли спустившийся с небес. Женщины заплакали от радости, а мужчины оробели, как дети, протягивая руки в сторону этого живого идола.

– Вицлипуцли! – восторженно обратился жрец к высоко-

чтимому гостю.

Юра даже не заметил, что стал понимать язык этих людей.

– Вицлипуцликоста мегеценкоатль! – повторил жрец уже полное имя великана. – Это сердце принадлежит тебе! – Жрец указал на лежащего на жертвенном алтаре мужчину. – Его кровь станет твоей, как и кровь всего живого в этих горах, только радуй нас своим присутствием! Будь с нами!

– Будь с нами! – хором повторило всё племя...

– Будь с нами! – повторил Юра бледными, обескровленными губами...

– Юра! Юрочка! – оживилась Александра Сергеевна.

На часах была половина третьего ночи. Сын пришёл в себя. Ни мать, ни отец не спали, сидя у кровати.

– Слава тебе, Господи. – Несчастливая женщина подняла руку для крестного знамения.

– Па, привет! – обратился Юра к отцу, и Валентин Дмитриевич улыбнулся, едва сдерживая слёзы.

– Здравствуй, сынок...

– Видит! Валик, он видит! – радостно воскликнула Александра Сергеевна и уткнулась лицом в плечо мужа. Её плечи содрогались.

– Мама, я есть хочу, – попросил Юра.

– Сейчас, сынок, сейчас, дорогой. – И мать радостно побежала на кухню.

За окном распускалась молоденькая берёзка, и на поло-

вицы падал свет стареющей луны. На кухне мать загремела посудой. Мальчик задумчиво смотрел на мерно покачивающиеся от весеннего ветерка ветки дерева.

– Папа, а кто такой... Вицлипуцликостамегеценкоатль?

Валентин Дмитриевич удивлённо посмотрел на сына:

– Чего-о-о?..

Глава 4. Первые неожиданности

Вицлипуцликоста мегеценкоатль. Маленький и коротконогий. Именно маленьким он дошёл до наших дней на барельефах древних зодчих. Тысячи туристов, посещая Теотиуакан, видят его таким, как его увидел неизвестный доисторический мастер. Вицли... Каким же он был на самом деле? И был ли вообще? Существовал ли? Или это выдумка древних жрецов, чтобы оправдывать свои кровожадные жертвоприношения богу Солнца, богу войны? Сейчас уже не скажет никто, и можно только догадываться, глядя на не совсем пропорциональное изображение грозного бога.

Праздник дня весеннего солнцестояния набирал силу. Тысячи туристов из Европы, Азии, Америки, Африки, от которых рябило в глазах, готовились увидеть своими глазами то, ради чего был построен Храм Солнца. Тот самый момент, когда великое светило своими лучами находит путь к сердцу, полному суеверного страха, и наущает: человек родился для того, чтобы его принесли в жертву грозному божееству Вицлипуцли. Так говорили жрецы ацтеков, так говорили проповедники майя, так было многие века: эти деревья слышали последние вздохи убиенных, на эти камни лилась кровь, пролитая в честь человека-птицы, эти солнечные лучи жгли спины склонившихся перед беспощадным идолом.

– Здесь, на высоте двух тысяч двухсот сорока пяти метров

над уровнем моря, в восьмидесяти километрах на северо-запад от тридцатимиллионного Мехико, глядя на эти памятники старины, начисто забываешь о цивилизации... – едва проталкиваясь через толпу любопытных туристов, читал свой стендап «на камеру» российский журналист Андрей Рогов.

Лицом к Рогову и спиной вперёд с камерой в руках, двигался Руслан Кульбашный. У парня неплохо получалось держать кадр, и Андрей решил использовать способности дочкиного ухажёра по максимуму. Это всё-таки лучше, чем привязать камеру к руке, одновременно начитывая текст. Андрей почти никогда не ездил в свои командировки с оператором. Как правило, его поездки были небезопасны, и рисковать жизнью своих товарищей журналист не хотел. Обстоятельства научили его ценить людей ещё смолоду. А Руслан был только рад освоению новой профессии. Он всё время спрашивал отца любимой девушки:

– Ну что, Андрей Петрович, получится из меня оператор? А режиссёр?

– Под ноги смотри! Нашёлся тоже Згуриди! – подкалывал парня журналист.

Он был скуп на похвалы, считая, что только так рождается настоящий профессионал.

Вот и сейчас Андрей, попутно замечая, как прекрасно работает Руслан, не уставал постоянно делать ему замечания:

– Ещё раз, Руслан. Пишем ещё раз. Плохо! Ищи новый дубль.

Парень не сдавался и со скрупулёзной терпеливостью менял фокусировку, цветность и чувствительность микрофона. Его настырности можно было позавидовать.

– Готово! Начали! – крикнул он в очередной раз.

И опять стендап записывался по новой.

Руслан писал четвёртый дубль. Но казалось, его это совсем не смущало. Он без труда шёл спиной вперёд и смотрел на экран камеры. Немудрено, ведь под спину его поддерживала... Изабелла Гершвин. В последний момент перед выездом подозрительность Андрея была побеждена его практичностью и сухим расчётом. Всё-таки молодая полячка с её отличным знанием истории и этнографии была бы очень полезна в экспедиции. К тому же, так сложилось, в последние несколько лет Рогова в экспедициях сопровождали красивые женщины, и это всегда приносило успех. Вот и в этот раз он, добиваясь своей цели, успел слетать в Варшаву и найти Изабеллу на её рабочем месте, в музее истории. Это было потрясающе неожиданно и эффектно.

Девушка перебирала старые книги в библиотеке. Открыв одну из них, она с интересом рассматривала какие-то письмена, пытаясь разобрать, что же всё-таки там написано. Причудливые иероглифы с фотографии какого-то учёного-майяниста. Изабелла смотрела на них как зачарованная...

– Ворона, Преодолевать, Орхидея... – послышался мужской голос за спиной. – А есть быть точным, так пишутся на майянском названия государств.

Изабелла резко развернулась: перед ней стоял Рогов.

– Андрей?.. Петрович?

Рогов кивнул:

– Можно просто Андрей.

– А какого?.. – начала растерявшаяся девушка.

– Вы хотите спросить, какого чёрта я здесь делаю? – перехватил ход её мыслей журналист. – Всё просто. Я вас не брал в командировку? Я передумал. Собирайтесь. Я беру вас с собой...

Теперь Изабелла поддерживала Руслана сзади и не могла желать для себя ничего лучшего. Её мечта сбылась. Она всё-таки попала в Мексику и готова была на всё, лишь бы это путешествие продлилось как можно дольше.

Наконец с пятого дубля злосчастный стендап был записан, и экспедиция остановилась как раз около пирамиды Солнца.

– До сих пор я её видела только на фотографиях! – восторженно произнесла Изабелла. – Пирамида Солнца – начало всех начал, наследие великого Вицли, покровителя Теночтитлана...

– Грамотная? – подколот Андрей. – Будешь теперь мне стендапы писать.

– Не думаю, что вы доверите мне столь сложное занятие, Андрей. Это ведь ваш эксклюзивный материал. А вдруг я подам в суд на вашу телекомпанию за нарушение авторских прав? – парировала полячка.

– Вредина, – буркнул Андрей. – Пойдём дальше.

Экспедиция шла в плотном потоке туристов мимо большого каменного рукотворного строения, на стенах которого красовались надписи и рисунки, явно творения чьих-то рук тысячу, а может, и две тысячи лет назад. Удивительное трепетное состояние – ощущаешь себя маленьким и жалким. Понимаешь, что правят в этом мире не цари, не олигархи, а Его Величество Время. Ушли в небытие Чингисхан, Наполеон, Сталин... Кто ещё? А надписи простого смертного на стене остались до сих пор. За свою жизнь Андрей видел тысячи древних рисунков и десятки тысяч доисторических надписей, но никогда не переставал удивляться вновь увиденному и радоваться, как ребёнок, который пришёл с отцом в лес и в первый раз нашёл белый гриб. Может, это и есть страсть исследователя?

– За минувшее тысячелетие человек много успел натворить – научился нырять на дно океана, летать в космос и изощрённо уничтожать себе подобных. – Андрей медленно продолжал путь, снова вещая на камеру и не обращая внимания на туристов, облепивших его и глазающих в объектив. Он привык к этому – это неременное условие работы в особо людных местах. – Так, в течение пяти веков была нещадно истреблена цивилизация майя...

Внезапно Андрей остановился и замолчал, глядя в каменную стену, будто хотел просверлить её взглядом. Изабелла и Руслан недоумённо переглянулись. Изабелла подошла к журналисту.

– Андрей, я... – Но тут же осеклась. Она внимательно посмотрела на журналиста и содрогнулась: – И ты.

Но Рогов, замерев, будто не слышал её.

– Андрей Петрович! – нетерпеливо окликнул его Руслан.

Но девушка вытянула руку в сторону оператора, раскрыв ладонь, давая понять, что не нужно тревожить руководителя.

Андрей прекрасно слышал Изабеллу и Руслана, но его мысли в этот момент были важнее того, что происходило вокруг. Прямо на каменной стене был изображён древний ацтекский бог. Воспоминания нахлынули сами собой...

Самолёт из Европы в Мехико собирался выполнять свой обычный рейс. Группа Андрея Рогова, рассевшись по местам, предвкушала такую ожидаемую встречу с Мексикой. Да и всей группы-то – сам Андрей, Изабелла и Руслан. Изабелла и Руслан как-то сразу сдружились и постоянно друг над другом подшучивали.

– Я туда, к окошку...

– Шагай, только на ногу не наступи!

– А она у тебя одна?

В ответ Руслан получил от Изабеллы тумак.

Возникла лёгкая шутливая потасовка.

– А ну, прекратили! – возмутился Андрей. – Сейчас обратно отправлю. Детский сад!

Да, с такой экспедицией он ещё не ездил: девушка, которая в поход не удосужилась взять ровным счётом ничего, и совершенно несуразный парень, больше напоминающий

чокнутого аспиранта какого-то математического вуза, чем путешественника. Да к тому же оба ведут себя, как школьники. «В общем, наш вернисаж, – как всегда, иронизировал про себя Андрей. – Старею, старею. Скоро буду ходить по улицам Москвы и хватать всех подряд. Дескать, не желаете ли съездить в экспедицию? Я угощаю! Турбюро „Добрый Рогов“».

Андрей уже был готов, как обычно, опустить кресло и, надев наушники с любимыми медляками хард-рока, погрузиться в царство Морфея, но произошло событие, которое заставило журналиста нарушить традицию долгих перелётов. В салон вошёл индеец. Сказать, что он был неприметен, – значит обидеть всех этнографов мира. Это был мужчина лет шестидесяти, в большой ярко-полосатой шерстяной накидке. «Как у бабушки в селе, в комнатах на полу», – тут же заметил про себя Андрей. Но даже если бы журналист сказал это вслух, коренной житель Мексики не понял бы ни слова. Весь увешанный амулетами, точно сказочный персонаж на карнавале, с длинной чёрной косой до пят, он невозмутимо прошёл между сидений и опустился в кресло рядом с журналистом, не сказав ни слова.

– Буэнос диас! – порывшись в скудном лексическом запасе, произнёс Андрей.

Но старый индеец, как говорится, даже ухом не повёл. Андрей почувствовал на себе взгляды Изабеллы и Руслана, сидящих впереди и обернувшихся назад.

– Мучас грасиас! – добавил Рогов, обращаясь к индейцу, и посмотрел на молодёжь: – Чего уставились? Своими делами занимайтесь.

Те только хихикнули и отвернулись.

Взглянув ещё раз на колоритного соседа, Андрей понял, что индеец не услышал ни одного знакомого слова и что обижаться бесполезно – это всё равно что разговаривать с кактусом. Он откинулся на спинку своего кресла и закрыл глаза.

Вдруг индеец издал протяжный звук:

– Ю-ю-ю-у-у-у-у!

Руслан и Изабелла моментально опять развернулись назад, глядя между кресел.

– Ю-ю-ю-ю-у-у-у! – повторил индеец, глядя на Андрея так, будто давно его не видел и собирается его поцеловать.

– Ну. И что дальше? – улыбнувшись, спросил Рогов.

Индеец стал говорить на своём, при этом Руслан тут же принялся переводить. Это был язык майя.

– Хороший белый. Большой белый. Боги будут рады, – удовлетворённо закачал головой индеец.

Андрей похолодел и посмотрел на Руслана и на Изабеллу, которая, казалось, была очень напугана.

– Что за хрень? – Андрей почувствовал, как закипает злость.

– Вицли очень любит больших и сильных. В них много крови, в них много энергии. Достойное подношение в праздник весеннего солнцестояния. Аширна знает. Слушай

Аширну, европеец...

– Андрей Петрович, – от себя вклинился в разговор Руслан, – я понял. Он – шаман. Его зовут Аширна...

– Да я как бы тоже не дурак, – почесал затылок журналист, – но что он тут наплёл об энергии крови? Он что, сумасшедший?

Шаман тем временем продолжал:

– Белый человек, если ты хочешь найти то, что ищешь, до рогу тебе укажет Вицлипуцли, но сумей при этом выжить...

Слова старика-шамана теперь стояли в ушах Андрея здесь, в Теотиуакане, у пирамиды Солнца. «Вицлипуцли укажет путь. Куда и к чему? – думал журналист. – Опять какие-то загадки... Хочешь найти то, что ищешь. Откуда шаман знает, что я ищу? Если я ещё сам толком не знаю... А может, знаю?.. Думай, Рогов, думай. Как говаривал наш замполит, голова человеку и нужна для того, чтобы шапка ею гордилась... Вицлипуцли... Хм...»

Андрей вызывал из памяти всё, что могло дать хоть какую-то зацепку. Этому его научили, когда он недолгое время работал следователем (был и такой период в его пёстрой жизни), и такая наука пошла только впрок. Журналист вспомнил события годичной давности, которые могли пролить свет на всю эту историю. Путешествуя по королевству Ло (Верхний Мустанг), в одном из буддийских храмов он видел точно такое же изображение Вицлипуцли. Не вызывало сомнения, что изображение древнего ацтекского боже-

ства было сделано если не одной и той же рукой, то учителем и учеником. Но как? В то время, когда буддийские монахи на склонах Тибета обращали свои молитвы к Великому Учителю, Америка ещё не была открыта Колумбом, Мексика не была завоевана Кортесом, Леонардо да Винчи не рисовал чертежей летательных аппаратов и вообще многие племена и народы считали земной шар плоским... Так или иначе, перед глазами Андрея был грозный Вицлипуцли, ничем не уступавший по своей кровавости и жестокости жертвоприношений ненасытной индийской богине разрушений Кали. Но что этот Вицлипуцли делал в Непале?

– Сумей при этом выжить... – сорвалось с губ Андрея.

Он сказал и тут же оглянулся. Но в шумной туристской массе его никто не услышал, а рядом стояли Изабелла и Руслан и с тревогой наблюдали за ним.

– Что стоим, что не работаем? – картинно насупился Андрей. – Я для чего вас с собой взял?

– Мы думали ты... вы... заболел, – сбивчиво ответила Изабелла.

– Так многие думают. Уже сорок семь, а всё на подвиги тянет, – отшутился Андрей.

Микроавтобус медленно ехал по вечерней дороге в Мехико. Не один турист, приехавший весной в Теотиуакан, вспомнил родину с её пробками и постоянно сигналящими автомобилями. Действительно, машин было видимо-невидимо.

– Так всегда весной. Праздник, – объяснил проводник Бахлам. Сухой, тщедушный мужчина лет тридцати пяти сидел за рулём и, как плохой экскурсовод, активно жестикуюлировал. – Дон Рогов любит кактусы? – ни к селу ни к городу поинтересовался чичероне.

– Он их просто обожает, – ответил Андрей.

Бахлам, не поймав иронии, с мальчишеским задором стал рассказывать, какую великолепную текилу готовит его жена, и Руслан с Изабеллой с неподдельным интересом слушали эту историю. Андрей же пропускал мимо ушей перевод с испанского языка. Ему было о чём подумать.

Из головы не выходил Вицлипуцли и странное предупреждение шамана в самолёте: «Дорогу тебе укажет Вицлипуцли, сумей при этом выжить...» Чем пугал этот абориген? Что он знает?

Последние две экспедиции Андрея Рогова действительно были опасными. В Папуа – Новой Гвинее его чуть не съели местные дикари, и это притом, что учёные всего мира утверждают, что с каннибализмом на планете покончено. В Непале журналист перешёл дорогу сумасшедшему охотнику за артефактами и чуть не погиб от рук банды старого нацистского преступника. Но самое главное – Андрей вдруг почувствовал, что эти два путешествия неразрывно связаны с этой поездкой в Мексику. Как? Он пока не знал.

Вдруг он почему-то обратился к проводнику, через Руслана:

– Бахлам, у вас жертвы приносят?

Весёлый проводник, который вот уже полчаса рассказывал, какие деревья растут в Мексике, вдруг осёкся, и его глаза забегали, из чего стало ясно, что мексиканец совсем не умеет врать.

– Ну-у-у? – пошёл в атаку Андрей. – Говори правду, Бахлам. Я ведь за это плачу тебе деньги.

– Не отвлекайте меня! Я за рулём! – стал отбиваться от Андрея Бахлам.

– Останови!

– Что случилось, дон Андрэа? – попытался обыденно спросить проводник, но его голос дрожал.

– Меня укачало! – иронично сказал Андрей и повторил: – Останови!

Бахлам съехал на обочину и остановил микроавтобус, затем оглянулся и увидел перед собой Андрея, которой на ходу поменялся местами с Русланом. Мексиканец от неожиданности отпрянул назад.

– Так, рассказывай! – властно сказал Рогов.

– Что рассказывать? – почти заблеял Бахлам, что совсем не соответствовало его имени³.

– Ты сам знаешь, что рассказывать...

– Не спрашивайте меня об этом, дон Андрэа. Проводникам запрещено.

– Что запрещено? – не унимался Рогов. – Говорить правду

³ Бахлам на языке майя – ягуар.

приедем?

Бахлам опустил голову.

– Меня уволят, дон Андрэа.

– А меня убьют! – сверкнул глазами Рогов, совсем как мексиканец. – Так кому будет хуже? Тебе или мне?

На словах «меня убьют» глаза Изабеллы округлились. Она и так смотрела на все эти перемещения по салону и разговоры в крайнем удивлении. Она не могла себе представить, что знаменитый и уважаемый пан Рогов будет вести себя, как какой-нибудь Джейсон Стейтем. Но Андрея не интересовало, кто и что о нём думает, он хотел узнать главное.

– Бахлам, когда я нанимал тебя в агентстве, ты обещал быть моим вторым «я».

– Обещал. – Мексиканец смотрел на журналиста, будто ждал удара кулаком в лицо.

– Так почему же ты ведёшь себя, как больной желудок? Я туда, а ты оттуда... Говори правду, и я обещаю, что тебя никто не уволит! Ну!

Бахлам, совершенно не похожий в этот момент на своего тёзку-ягуара, потупил взор, закусил нижнюю губу, как маленький ребёнок, и еле-еле выдавил из себя:

– В глубине джунглей водятся племена, которые до сих пор приносят древним богам майя и ацтеков человеческие жертвы...

Андрей почему-то не удивился данному сообщению. Всю последующую дорогу в Мехико он ехал как ни в чём не бы-

вало, уже рядом с Бахламом. А вот двое его спутников были настолько поражены сообщением, что у них не было настроения ни шутить, ни вообще разговаривать. Они просто смотрели в окна по сторонам, то и дело кидая взгляды да Андрея: Руслан – украдкой, будто не хотел, чтобы кто-то заметил, что он смотрит на руководителя, Изабелла – восторженно. Ей казалось, что надёжнее этого мужчины людей нет: он сильный, настойчивый, умный и... красивый.

– Не смотрите на меня так! – воскликнул, не оборачиваясь, Рогов, словно у него были глаза на затылке. – Кому что-то не нравится, кто передумал со мной путешествовать, я не держу. – И, будто ничего не случилось, воскликнул: – О, знак! Какой интересный! А что это, Бахлам?

Действительно, у обочины стоял странный дорожный знак, похожий на обозначение «Дикие животные», только в треугольнике был изображён не олень, а... слон.

– Что это, Бахлам? Разве в Мексике водятся слоны? – спросил Андрей, и его голос был таким располагающим, будто журналист дружил с гидом полжизни и не было никакого предыдущего разговора.

Эмоциональный, но отходчивый Бахлам уже успокоился, и Рогов для себя решил, что этот парень для путешествия то, что ему нужно.

– О-о-о, дон Андрэа, это удивительная история...

И простодушный Бахлам рассказал гостю, как жила в зоопарке внучка африканского слона Индра. Ела хлеб и овощи,

которые ей в изобилии приносил в вольер одноглазый надсмотрщик Хуго, и забавляла детишек, поднимая хобот, протягивая его, точно руку, забирая из маленьких ладошек печенье и размашисто отправляя его себе в рот. Дети весело смеялись. Был у Индры в зоопарке друг – пёс породы ксолоитцкуинтли по прозвищу Чапа. Каждый день он приходил к слонихе вместе с Хуго. Сперва он оживлённо лаял, приветствуя свою подругу и помахивая голым, острым, как стрела, хвостом, затем ложился прямо в вольере у большой копны заготовленного для Индры сена и наблюдал, как она завтракает. Слониха довольно фыркала и моргала большими мохнатыми веками. Она была совсем не против такого присутствия. Если же Чапа, бегая по зоопарку, вдруг раздражал своих сородичей, то пулей устремлялся в слоновник, где Индра становилась на его защиту. Вернее, ей и становиться было не нужно – один вид такого покровителя говорил сам за себя, и местным бобикам и жучкам оставалось только облаивать наглеца издали. Чапа же опять ложился у сена и беззаботно засыпал, а Индра довольно пожёвывала морковь из набора, который приносил старый Хуго. Но вот однажды Чапа не пришёл с хозяином на работу. Почему? Сейчас не вспомнит и сам Хуго. И случилось непоправимое: в ту же ночь Индра ушла из зоопарка. Не помогли высокие заборы и глубокий ров вокруг вольера. Не уследил и ночной сторож, который по привычке крепко спал у себя в будке. Остались только сломанные замки и сорванные с петель ворота. Индра

ушла, может, как говорили романтики зоопарка, искать Чапу, а может, в ней разыгрался дух предков, ведь всем известно, что африканский слон не поддаётся дрессировке и не приручается. Откуда могла знать Индра, где живёт Чапа? Откуда могла знать Индра, родившаяся в зоопарке, что в этом мире есть кто-то сильнее и больше её? Поздно ночью отважная путешественница угодила под грузовик на трассе Теотиуакан – Мехико... Сезонные дожди давно смыли остатки ужасного происшествия с дороги, и в зоопарк давно привезли нового слона. Даже старый Хуго давно ушёл на пенсию, а объявившийся Чапа всё прибегал и прибегал на место гибели подруги, к появившемуся, как памятник, несуразному дорожному знаку. Но потом перестал приходиться... Собаки не живут долго...

Руслан спал, Изабелла слушала рассказ Бахлама с глазами полными слёз, и Андрей, знавший тысячу подобных историй, тоже не остался равнодушным к услышанному.

– Вот видишь, Бахлам, звери умеют дружить. Давай и мы будем друзьями.

– Давайте, дон Андрэа, – растрогался мексиканец.

– И не будем врать друг другу, – дополнил Андрей, испытующе посмотрев на проводника.

– Не будем, – сказал Бахлам, громко выдохнув после паузы.

Итак, Мехико. Мегаполис, расположенный прямо на раз-

валинах Теночтитлана, некогда богатейшего города и столицы ацтеков, вотчины великого императора Монтесумы, канувшего в Лету усилиями испанских завоевателей во главе с Эрнаном Кортесом. Легенда древних племён гласит: когда-то спустился на землю с небес бог Солнца Вицлипуцли, и принесли ему ацтеки в жертву тысячу крепких мужчин. А он возрадовался такому щедрому подношению, взмахнул солнечным посохом – и ударили в горы тысячи молний, и засветились они солнечным сиянием, и покрылись они золотом. А люди радовались и собирали, собирали эти золотые слитки и слиточки. На песок никто и не смотрел. И набили этим золотом свои подвалы, в один момент ставшие сокровищницами. И жили в благоденствии и без печали. Но шло время. Сколько прошло лет? Сотня? Две? Три? Кто знает? И привыкли люди к своему богатству, и уже не ценили ацтеки то, что у них есть, и называли эти сокровища испражнениями Солнца... а серебро – испражнениями Луны... А потом явился жадный, ненасытный враг и забрал всё – и золото, и жизнь...

А было это так. В 1518 году высадился на берег Юкатана мореплаватель Эрнан Кортес, и прослышал он о Теночтитлане. Испанец, буквально изгнанный с родины и в поисках лучшей доли отправившийся путешествовать, заинтересовался рассказами о сказочно богатом императоре и отправился к нему в гости. Император ацтеков Монтесума устроил Кортесу радушный приём. Он ведь никогда не видел людей с та-

кой белой кожей. В пророчествах древних было сказано, что явятся белые люди – великие и могучие, как сам Вицлипуцли. Их нужно чтить и ублажать.

Воспользовавшись наивностью императора индейцев, хитрый Кортес добрался до ацтекской сокровищницы, и его алчность выиграла. Ему было мало щедрых даров, которые поднёс ему Монтесума. Он захотел забрать всё.

Имея колоссальное превосходство в оружии, его войско, всего триста пятьдесят человек, потопило в крови и разграбило столицу империи ацтеков. Имя кровавого завоевателя мир помнит до сих пор...

Сколько тайн и загадок хранят в себе эти земли, неизвестно, но то тут, то там строители, роя котлованы под новые сооружения, находят остатки древних строений безвозвратно ушедшего племени ацтеков.

Теперь Мехико – одна из самых густонаселённых и криминальных столиц мира и, понятное дело, с таким историческим наследием – один из центров мирового туризма. Над руинами древнего Теночтитлана выросли замок Чапультепек и базилика Марии Гваделупской, великолепный дворец плитки Каса де лос Азулехош и Плаза Санта-Доминго с изумительным по красоте фонтаном XIX века в честь героини-освободительницы Хосефы Ортес де Домингес с одноимённой статуей. И только музей Темло Майор напоминает гостям о некогда могучей столице ацтеков, давно ушедшей в небытие.

Андрей плыл на траджинеро⁴ по одному из каналов Со-чимилько. Вообще, один из шестнадцати районов Мехико славился своей уникальностью. В первую очередь – своими искусственными островами чинампами. Нет, это не намывные острова Абу-Даби, а более эксклюзивные сооружения, поскольку создавались они более тысячи лет. Много веков тому назад большую часть долины Мехико занимало огромное озеро, и все эти острова, островки и островочки – не что иное, как... искусственно созданные сельскохозяйственные угодья. Терпеливые простые труженики возводили на мелководье плоты из веток можжевельника и засыпали их почвой, высаживая туда культуру. Со временем эти плоты тонули, и поверх их строились новые. Так годами плоты трамбовались, образуя острова. Всё это заросло травой и образовало многоканальную разветвлённую водную систему.

Андрей смотрел на густые травяные заросли и вспоминал астраханские плавни, краснокнижные лотосы, водных черепах, то и дело вынырывающих у камышей, рыбаков на вымостках, ловящих плотву со своих маленьких бивуаков, висящих прямо над водой... Эх, родина, родина. Где ты?..

– Андре-э-эй! – с укоризной, почти плаксиво воскликнула Изабелла, сидящая на носу траджинеро. По взаимной договорённости они уже второй день разговаривали на «ты». Так было проще. – Ты долго ещё будешь смотреть на воду? Ты что, озера никогда не видел?

⁴ Траджинеро – мексиканская лодка типа гондолы.

– Эх, не понимаешь ты, Изя, русскую душу, – добродушно засмеялся Рогов.

– Я не Изя, а Изабелла, – сердито ответила девушка. Она страшно недолюбливала прозвище, которое к ней прилепил ироничный журналист.

– Это к делу не относится! – не унимался Рогов. – Ты душу нашу русскую не понимаешь. Правда, Руслан?

Руслан сидел в стороне, снимая кроссовки.

– Не понимает, не понимает, Андрей Петрович. То, что у нас в душе, у них – в душе. – Парень сел у края лодки и пристально посмотрел на потоки убегающей назад воды.

– Ты меня брал в Мексику для чего? – злилась Изабелла, глядя на Андрея.

– Ну, как... – почему-то смутился журналист.

– Погулять я могла и дома. Я думала, здесь действительно этнографическая экспедиция, а тут... Мы вообще путешествовать думаем?

– Перед любым путешествием полезно немного расслабиться, – миролюбиво заметил Андрей.

Руслан перекинул ногу через борт, думая попробовать воду.

– Не делай этого, чико! – вскричал мексиканец, который был у руля лодки.

Расслабленный Руслан по инерции отдернул ногу в этот момент, когда из воды высунулась зубастая морда большого аллигатора и, щёлкнув зубами, опять скрылась. Рептилия

промахнулась. Руслан отпрянул назад и лёг на дно судёнышка, а Изабелла взвизгнула от ужаса.

– Твою дивизию, – только и сказал Андрей.

– Вот видишь! – Казалось, глаза Изабеллы, и без того огромные, стали в два раза больше. – А я тебе говорила, что мы не тем делом занимаемся!

– Ну почему не тем? Крокодила чуть не накормили... – в свойственной ему манере ответил Рогов и тут же обратился к Руслану: – Полиглот, как ты?

– Терпимо, – отозвался Руслан, вытирая холодный пот со лба.

Мимо проплывал добротный катер на подводных крыльях, пустив волну, и траджинеро, хоть и была сама не маленькая, стала мерно раскачиваться, отчего мексиканец, стоя у руля, едва удерживал равновесие.

– А один из них идиот. Это радует. – Крепкий четверон сидел за тонированными стёклами катера и, улыбаясь уголками рта, смотрел на оставшуюся сзади лодку путешественников. – Чуть крокодилам себя не скормил.

Двое собеседников расхохотались. Второй сидел чуть поодаль и, улыбаясь беззубым ртом, что для его сорокалетнего возраста весьма плачевно, больше напоминал бомжа.

– А может, их сразу утопить?

– Сиди, дурак. Родригес сказал не трогать, значит, не трогаем! А тёлочка хорошая. Надо будет поближе познакомиться-

ся.

– Будет возможность, – засмеялся беззубый, – главное, те-
килы меньше пей.

– И всё-таки зачем Родригесу эти европейцы? – задумчи-
во спросил крепыш.

– Не знаю, может, хочет новый канал сбыта, – засмеялся
собеседник беззубым ртом, отчего первый поморщился.

– Не дыши на меня, Змей.

Глава 5. Вицли-Мицли

Урок алгебры в пятом «А» Южненской железнодорожной школы всё не начинался и не начинался. Преподаватель Анатолий Маркович задержался в учительской по поводу одного из учеников.

– Как хотите, но Изотова я в этом месяце не аттестую. Большая часть учителей была уже на уроках, но математик так завёлся, что забыл о времени. Его с интересом слушали несколько преподавателей, у которых были «окна».

Анатолий Маркович Гольдфарб, сухой и желчный, ходил из угла в угол, заложив большие пальцы рук за лацканы жилетки, точно вождь мировой революции.

– Вот и вчера этот Изотов сорвал мне урок своими дурацкими вопросами, – с жаром продолжал он. – Бином Ньютона ему... Откуда он взялся на мою голову?! Учителя переглянулись.

– Анатолий Маркович, а за что же его не аттестовывать? – низким грудным голосом отозвалась учительница истории Людмила Павловна. – Он же отличник. У меня, например, на уроке Юра Изотов отвечает так, что даже самые шумные дети перестают хулиганить. Заслушаешься.

– А мне надо, чтобы у меня на уроках дети не заслушивались, а слушали... меня. А Изотов постоянно суётся везде – выскочка. Пользуется тем, что у него папа главный инженер

Южного треста...

– Ну, уж вы хватили, Анатолий Маркович! При чём здесь отец? – спросил маленький седой учитель химии.

– А ни при чём! Пусть не умничает!

– Анатолий Маркович! Но это же не педагогично... – начала было Людмила Павловна, но математик разошёлся не на шутку.

– А потакать и выгораживать маленького негодяя, по-вашему, педагогично?

– Это почему же он негодяй? – возмутилась учительница истории, но Анатолий Маркович продолжал поливать неугодного ученика:

– Он, если хотите, Людмила Павловна, хитрый зарвавшийся наглец!

– Это потому, что знает ваш предмет лучше вас? – неожиданно в точку спросил преподаватель физвоспитания Костович.

В учительской повисла пауза.

– Ну, знаете!... – выпалил математик и, подхватив журнал, буквально выскочил из учительской.

В пустом коридоре школы послышались его цокающие, почти бегущие шаги.

– Зачем ты так? Он ведь преподаватель, – посмотрела на молодого физрука Людмила Павловна.

– А пусть не строит из себя лампочку Ильича. Умник.

– Лёня, ты когда-нибудь договоришься, – пугливо озира-

ясь, сказала Людмила Павловна.

В классе мальчишки сгрудились вокруг Юриной парты. Все хотели списать выполненное домашнее задание, но места не хватало. Один из ребят стоял в дверях на шухере, то и дело заглядывая в класс.

– Давайте быстрее! Мне тоже надо! А то Чих-Пых вернётся...

Мальчик не успел договорить. Костлявая, но сильная рука неожиданно появившегося в дверях учителя схватила троечника за ухо.

– Кого ты назвал Чих-Пых?

Анатолий Маркович Гольдфарб подкрался незаметно и буквально вырос перед дверью кабинета. Всё произошло так неожиданно быстро, что ребята, списывающие домашнее задание, не успели разбежаться по своим местам, а преподаватель, который никогда не пользовался авторитетом у детей, продолжал гнуть свою линию. Не отпуская ухо мальчика, визжащего от боли, он иезуитски улыбался.

– Завтра же в школу с родителями, Макаров. А сейчас вон из класса... – Он буквально отшвырнул подростка в сторону. – А ты, Изотов, готовься. Тебя ждёт педсовет!

Они вышли из школы после уроков. Белокурая Катя с большими голубыми глазами, о которой вздыхало полшколы, и хрупкий, худенький, несуразный, ещё не сформировав-

шийся подросток Юра Изотов.

– Давай! – Юра протянул руку за Катиной сумкой.

– Не дождёшься! – возмутилась девочка. – Ты свой портфель еле тащишь, а ещё эти книги.

Действительно, кроме портфеля со школьными учебниками, у Юры была авоська с книгами из школьной библиотеки и из магазина, который стоял неподалёку от школы.

– Ты сумасшедший, Юрка! – продолжала Катя. – Почему ты опять не завтракал? Собираешь деньги на очередную книжку?

– Ну да, – обыденно ответил мальчишка.

Он на самом деле был очень худым. Даже та форма, которую купили ему родители этим летом, висела на нём мешком. Из рукавов торчали тоненькие детские ручки. И это притом, что в ноябре ему должно было исполниться четырнадцать.

– Что ты сегодня себе купил?

– Справочник по латыни и толковый словарь испанского языка. Ах да... Еще логику.

– Логика-берлогика, – передразнила одноклассница. – Зачем она тебе?

– Просто так, – пожал плечами Юра, – интересно.

– Интересно! Вот я твоим родителям обязательно расскажу, что их сын тратит деньги не на еду, а на книги. – В голосе Кати слышались одновременно и раздражение, и жалость.

– А они знают.

Апрельские тополя забросали аллею жёлтыми серёжками. Уже тёплое солнышко и свежий ветерок извещали природу о наступлении самого красивого месяца в году. От такого весеннего подъёма в душе улыбались даже старики на лавочках, несмотря на тяжёлое время тридцатых. Наступающая весна скрашивала любое нищенское существование.

Они шли по аллее. Юра рассказывал Кате, активно жестикулируя:

– Катя! Ты даже себе не представляешь, что такое Мексика! Это большая страна с древними каменными постройками, горами и лесами, в которых полно ягуаров. Это кошка такая – ягуар. Пятнистая... И птицы всякие – большие, маленькие и обязательно красивые, разноцветные. А в реках водятся крокодилы.

Только рядом с Катей Юра, обычно хмурый и молчаливый, преобразался, его глаза загорались, речь становилась витиеватой и жаркой. Казалось, он хочет ей рассказать всё. Всё, чем живёт, дышит и о чём не знает никто, кроме него.

– А ещё там очень интересные люди. Они едят такую пищу, что ты её есть не стала бы.

– Это почему же? – почти обиженно спросила Катя.

– Очень острая – один перец.

– Врёшь ты всё! – фыркнув, засмеялась девочка.

– Не вру! Честное комсомольское – не вру.

– А откуда тогда ты это всё знаешь? – прищурился глаза, спросила одноклассница.

– Ну, что-то читал... А что-то... во сне видел, – признался Юра.

От этого откровения Катя остановилась и долго смотрела на юношу.

– Ты – сумасшедший!

– Может быть, – не обращая внимания на эту фразу, согласился Юра и увлечённо продолжил: – Честное слово, я сам понял, что это Мексика. Я очень часто видел это во сне, а потом прочитал и понял, что видел именно полуостров Юкатан, куда высадился Эрнан Кортес, царя Монтесуму, индейцев майя и даже Вицлипуцли...

– Пуцли чего?

– Вицлипуцли! Это бог такой!

– Врёшь ты всё. Но мне всё равно с тобой интересно.

– А со мной не интересно? – послышался злой басистый голос.

Одноклассники за разговором не заметили, как вошли во двор, где жила Катя. Почти у самых ворот их встретили четыре юноши. На вид им было лет по шестнадцать, и их выражения лиц не сулили ничего хорошего.

– Это Валька, – шепнула Юре Катя, – его все боятся, беги домой.

Перед Юрой стоял высокий крепкий парень в рубашке френч и кожаной жилетке – Валька, сын хозяина артели кожевников со своими друзьями, которых он подкармливал. Широкие скулы и покатый лоб говорили о невысоком интел-

лекте парня. Ну а где не хватает ума, как известно, пускаются в ход кулаки.

– Все боятся. А я не боюсь, – спокойно ответил Юра.

– Чу-у-у-у? – картинно насупился сын нэпмана. – Я что-то слышу?

Юрий поставил портфель и авоську с книгами на землю и стал пристально глядеть на заводилу компании.

– Ну, что ты смотришь? – спросил Валик, не ожидав такого поведения странного подростка.

– Юра, не надо! Ты не справишься с ними!

– А-а-а-а-а! Держите меня! Его ещё и Юрой зовут. Юродивый Юра на прогулке? – засмеялся Валентин.

Вместе с ним загоготали его дружки.

– Со всеми – не справлюсь, – спокойно ответил Кате Юра.

Подросток был настолько спокоен, что хулиганы замолчали и переглянулись.

– Я нападу на одного, – продолжил Юра, – вопьюсь в него зубами и буду грызть до тех пор, пока он не умрёт. Пусть трое других меня бьют, пинают, но один из них уже не будет бить никого... и никогда. – В этих словах было столько твёрдости и невозмутимости, что Валентин неуверенно посмотрел на троих дружков.

И тут началось основное. Расслабленный Юрий поднял руки вверх и завыл, словно волк.

– У-у-у-у-а-а-а-а! У-у-у-а-а-а! А-а-а-ап!

Неожиданный крик подростка произвёл впечатление на

всех, а Катя закрыла рот руками. Странное поведение Юры продолжалось. Он гортанно закричал на непонятном языке. Когда-то он уже издавал такой крик – в детстве, когда метался в бреду на руках у матери, потеряв зрение. Но откуда это было знать уличной шпане?

– У-у-у-а-а-а! У-у-у-а-а-а! А-а-а-ап! – громко повторил Юрий, бесстрастно взирая в небо своими чёрными глазами, затем он опустил голову и посмотрел... Нет, он посмотрел не на Валика, а куда-то сквозь него.

– Ты что, больной? – испуганно спросил сын нэпмана.

Всё-таки он был ещё мальчишкой, большим, крепким, наглым, но шестнадцатилетним юношей – и не более.

Пустой взгляд из-под чёрных, не по годам густых бровей Юрия не сверлил, скорее жёг противника.

– Вицлипуцликоста мегеценкоатль! – отчётливо воскликнул он. – Его сердце принадлежит тебе! – Юрий ткнул пальцем в грудь Валику.

Тот, поёжившись, отступил назад. А Юра сделал шаг вперёд, продолжая смотреть сквозь него и говорить:

– Его кровь станет твоей, как и кровь всего живого в этих горах. Его кожа будет висеть на твоих плечах, как доспехи кровавых битв славного Теночтитлана. Только радуй нас своим присутствием! Будь с нами! – И юноша опять поднял руки к небу...

– Цыган! – испуганно вскрикнул один из юношей. – Он цыган! Он колдует!

Насмерть перепуганный Валик сделал несколько несмелых шагов назад, затем развернулся и побежал. Вслед за ним устремилась вся его компания.

Тридцатые годы на юге России не были «продвинутыми»: не было гаджетов, праздников Хеллоуина и сумасшедших сценаристов Голливуда, поэтому крепко сбитые хулиганы испугались маленького, худенького, но твёрдого как скала подростка. Юра спокойно подобрал портфель и авоську с книгами, стал отряхивать всё от пыли, а Катя никак не могла прийти в себя.

– Ю... Юрочка. Что это б-было? – заикаясь, спросила девушка.

– Ничего сложного, – обыденно ответил подросток, – так майянские жрецы приносили жертвы богу Солнца.

– А ты откуда знаешь?

– Я же говорю, во сне периодически вижу. – Юра уже всё почистил. – Ну что? Ты уже дома. Я пошёл?

– Подожди... – Катя запнулась, немного подумав. – Пошли к нам обедать?

– Я-а-а? – Юра очень удивился.

Девушка, которая ему нравится, пригласила его на обед. Он об этом и не мечтал.

– Пошли, что же ты?

– Ну, не знаю, удобно ли... – замялся маленький этнограф.

– Пойдём-пойдём, Вицли-Мицли... – Катя взяла мальчи-

ка за руку, и они зашли в парадное...

Глава 6. Бахлам – сын трущоб

Бахлам появился на свет в одном из самых бедных районов Мехико. По правде говоря, он мог и не родиться. Мать, сорокалетняя Хуанита, тяжело болела, и в госпитале для бедных, куда пришла делать искусственные роды, не было ни медикаментов, ни мест для вновь прибывших. У женщины уже было пятеро сыновей и три дочери, к тому же никто не давал гарантии, что этот плод будет здоровым, поэтому следовало от него избавиться. И осенью, в сезон дождей, Хуаниту избавили от плода, которому было пять с половиной месяцев. Недоносок оказался живым, и врач-акушер оставил его на подоконнике... умирать.

Каково же было удивление дона Фернандеса, когда утром, придя на работу, он обнаружил с вечера пролежавший недоразвитый плод... всё ещё живым. Он лежал так же на подоконнике и уже не плакал, он тихо умирал от холода. Что всколыхнуло жестокого врача, что заставило его крикнуть: «Сестра! Живо! Реанимацию! Анестезиолога сюда!», остаётся только гадать. Через полчаса борьбы за жизнь то, что ещё час назад весь медперсонал операционной называл плодом – шевелило ручками и дышало без искусственной вентиляции лёгких.

Фернандес, пятидесятилетний акушер, с глубокой морщинистой складкой на переносице и висками, посеребрён-

ными сединой, взял ребёнка на руки. На обычно непроницаемом, жёстком скуластом лице образовалось что-то наподобие улыбки – он просто не умел улыбаться, но и это удивило присутствующих, и они переглянулись.

– Ладно... Выжил... Бахлам.

И вот спустя неделю после операции прикованная к постели и проплакавшая всё это время Хуанита вновь обрела сына. Фернандес с трудом нашёл флигель сапожника Мутола, отца Бахлама, и передал полукилограммовый свёрток с наследником несчастным родителям.

– Он должен жить потому, что не умер, – сухо сказал врач и удалился.

И жил, как можно было жить в четырёхмиллионных трущобах на окраине Мехико, где ветхие домишки немногим лучшие, чем строят наши мальчишки во дворе для бездомных собак, где туалет прямо за углом, а «зараза к заразе не пристаёт» – жёлтая лихорадка, голод и нищета не мешают приросту населения. Пригород растёт и размножается, крохотных строений всё больше и больше, и европейцу может показаться, что рекорд по выживаемости отнюдь не у крыс и не у тараканов... Большая часть населения рождается, вырастает и умирает, так и не научившись ни читать, ни писать. А зачем читать и писать? Главное – уметь считать. За всегдатаи таких кварталов – сплошь наркоманы, проститутки и криминал. Полицейские выезжают на дежурство и ездят в этой части города, не выключая мигалки и сирены – для

профилактики.

В таком районе и вырос Бахлам. Ещё до его совершеннолетия от наркотиков умерли старшая сестра и один из братьев, две других сестры стали проститутками, а остальные братья – кто сидел в тюрьме, а кто пропал, не показываясь и не навещая старенькую маму.

Бахлам «не удался» – он был не такой, как все. Соседи дразнили его подкидышем, поскольку считали, что Хуаните его привезли взамен мертворождённого младенца. Мальчишки не хотели дружить с Бахламом, потому что он любил ходить в школу и не курил травку. Братья и сёстры считали его неудачником и не обращали на него внимания. И только мама всегда остаётся мамой. Хуанита любила Бахлама больше других детей – может, потому, что он достался ей в тяжёлой борьбе за жизнь, а может, потому, что после смерти мужа Бахлам полностью взял заботу о ней на себя. И это притом, что к тридцати пяти годам у самого Бахлама уже было пятеро детей.

Умирая, отец подозвал к себе шестнадцатилетнего Бахлама, потому что некого было больше звать, и сказал:

– Сынок, мои дни сочтены. Об одном прошу: хоть ты не иди по пути, по которому пошли твои братья и сёстры. Обещай мне быть порядочным человеком.

Конечно, юноша дал клятву умирающему отцу, хотя мог и ничего не обещать: он давно решил для себя, что его кусок хлеба будет честным, каких бы соблазнов в его жизни

ни было. Он тянулся к знаниям, но в школе одного прилежания и отличных отметок, как водится, оказалось мало: после школы путь для мальчика из нищей семьи был закрыт всюду. Бахлам не сдавался, он стал промышлять тем, что оказывал туристам услуги проводника, параллельно, когда было время, ремонтируя обувь в будке отца. Вскоре ему удалось собрать денег на небольшой микроавтобус, и работа пошла веселее: проводник со своей машиной – работа престижная и хорошо оплачиваемая. Если Бахлам и садился ремонтировать обувь, то уже больше из удовольствия и из-за воспоминаний о покойном отце.

Вот такой проводник в этот раз достался Андрею Рогову. Конечно, российский журналист не знал и десятой части того, как и чем жил Бахлам, но ему достаточно было нескольких дней общения, чтобы понимать – наверное, это лучшее из того, что можно было выбрать в агентстве в Мехико. Бахлам, как всегда, весело вёл свой микроавтобус в Поэбло и не замолкал. Это «радио» на испанском языке вперемешку с отдельными словечками из майянского и английского не мешало, скорее даже забавляло Андрея. Труднее было Руслану, который взялся быть переводчиком и неимоверно уставал от этого словесного потока. Тем более молодой человек иногда замечал, что Андрей не слушал ни проводника, ни его.

Журналист тщательно перебирал в памяти события трёх последних дней. Пирамида Солнца в Теотиуакане, изображение Вицлипуцли, точно такое же, как в древнем буддий-

ском храме в королевстве Ло, майянский шаман, который говорил о Вицлипуцли как об указателе. Куда?

Рогов вспомнил последнее страшное приключение в Непале, где сумасшедший старик Отто Ран в одном из горных храмов совершал обряд вызова древних учителей с помощью артефактов – священного кубка и двенадцати статuetок богини Кали. Обряд не получился. Он вызвал страшное землетрясение, и все принимавшие в нём участие погибли, в том числе и одержимый старый фашист из «Аненэрбе»⁵. «Почему не получился обряд? Возможно, не хватило чего-то ещё... Вицлипуцли... Опять этот Вицлипуцли. Он указывает дорогу...» Андрей вспомнил, куда указывает изображение древнего божества – в сторону Чьяпасских гор, на юго-восток... Журналист был поражён: «Неужели разгадка таится здесь? Какую тайну прячет Мексика? Как древние майя связаны с тибетскими монахами? Неужели вход в Шамбалу находится где-то здесь?»

Андрей готов был выдвигаться в сторону штата Чьяпас, но, решив успокоиться и ещё раз всё взвесить, дал два дня отдыха себе и группе. Молодёжь и проводник ничего не знали о планах Андрея, для них это было обыкновенной туристической экспедицией с телесъёмкой местных достоприме-

⁵ «Аненэрбе» или «Аненербе» – немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков, существовавшее в 1935–1945 гг., созданное для изучения традиций, истории и наследия нордической расы с целью оккультно-идеологического обеспечения государственного аппарата нацистской Германии.

чательностей. Поэтому в первый же день выдвинулись к Плаза Санта-Доминго – посмотреть Храм Санта-Доминго и знаменитых писарей, составляющих документы для неграмотных индейцев, и фонтан Хосефы Ортес де Домингес, о красоте которого ходят легенды. По правде говоря, ничего легендарного в этом фонтане члены экспедиции не увидели. Большим удивлением была почти профессиональная экскурсия Бахлама. Он чётко и грамотно рассказал об истории памятника. О его архитектуре и как менялась площадь в течение почти пяти веков.

– Бахлам! Да ты прирождённый экскурсовод! – восторгался Андрей. – Что ты делаешь в проводниках? Ты же можешь зарабатывать сумасшедшие деньги! Просто бешеные!

– Мне не положено, – скромно ответил Бахлам, глядя под ноги, – я беден, а у нас не жалуют тех, кто из пригорода.

Великодушный Рогов подошёл к проводнику и положил ему руку на плечо.

– Я помогу тебе... после экспедиции. Похлопочу за тебя перед властями.

– Спасибо, дон Андреа. Бог вас не забудет, – ответил растроганный мексиканец.

Тёплое общение прервал маленький, худой человек, который, пробегая мимо Руслана, выхватил у него камеру и помчался с ней под мышкой куда глаза глядят. Всё произошло так быстро, что Руслан не успел опомниться: растерянный, он стоял и хлопал глазами, глядя то на Андрея, то на Иза-

беллу, то на Бахлама. Андрей же отреагировал моментально и пустился вслед за вором.

Улица, другая, третья. Молодой мексиканец нёсся как ветер, но, к его удивлению, европеец не только не отставал, но и настигал его. Вскоре воришка понял, что убежать от этого громалы бесполезно – рука Андрея вот-вот ухватит его, и тогда будет несдобровать. Но тут произошла очередная неожиданность. На углу третьей улицы наперерез молодому вору подъехала машина, дверь открылась, и мексиканец нырнул внутрь. Машина была готова рвануть вперёд, но поздно. Страшным усилием Андрей зацепился руками за дверь легковушки и повис. Машина начала движение, журналист использовал вращающийся момент и успел закинуть ногу в открытое окно на заднем сиденье, при этом держась за дверь у переднего. Испуганный мексиканец протянул Андрею то, что украл.

– Мистер, вот! Вот ваша камера. А эм сорри! Я пошутил.

Андрей схватил камеру и, отпустив уезжающий автомобиль, упал на проезжую часть. Правое бедро болело от проволочки по асфальту. Брюки были стёсаны вместе с кожей.

– Андрей! Андрей Петрович! Дон Андрэа! – послышалось одновременно.

Это его догнали Изабелла, Руслан и Бахлам.

– Да всё нормально, – сказал Андрей, отряхиваясь, – пара царапин. – Он посмотрел на Руслана и протянул ему спасённую камеру: – На, возьми, полиглот, и больше не зевай.

– Кто это был, Андрей Петрович?

– Тётя Паша!!! С дядей Кузей! – вдруг разозлился Рогов. –

Приехали из Крыжополя поучить дураков уму-разуму...

Они пошли обратно к микроавтобусу, не быстро – Андрей прихрамывал. Вдруг Рогов поинтересовался у проводника:

– Бахлам, а ты чего бежал? Мог же на своём микроавтобусе догнать.

Бахлам растерялся. Воцарилась пауза. Он хлопнул себя по лбу:

– Пустая башка! Я не подумал, дон Андрэа!

Это расслабило коллектив, и все засмеялись.

– Люблю Мексику, – сказал сквозь смех Рогов, корчась от ссадин на ноге.

Глава 7. Криминальный Поэбло

Вечером того же дня Андрей вернулся в гостиничный номер озадаченный. Конечно, в Мехико, одной из самых криминальных столиц мира, то, что произошло с ними днём, могло быть и случайностью. А если не случайность? Если действительно Рогов, не успев приехать в Мексику, стал объектом слежки? Вздор. Кто знает о его планах? Никто. Об истинной цели поездки Андрея не знал даже Макс Калущий, да и следить просто некому.

Раздумья Андрея нарушил испуганный вопль Изабеллы в соседнем номере. Несмотря на больную ногу, журналист пулей вылетел в коридор и бросился к полячке.

Девушка сидела посреди номера, среди раскиданных вещей и выпотрошенных сумок.

– Они... они украли моё нижнее бельё.

– Кто? – иронично поинтересовался Андрей. Изабелла после короткой паузы пожала плечами.

– Ну, не знаю... Извращенцы. Фетишисты какие-нибудь... – неуверенно произнесла она.

Рогов экстренно собрал всю группу, поняв, что оставаться в Мехико ещё на один день было крайне опасно. Только тут он озвучил первую остановку на маршруте. – Завтра утром выдвигаемся в Поэбло.

Вот так сумбурно началась новая командировка Андрея Рогова: в первый день оператору чуть не откусили ногу, во второй он сам чуть не попал под машину и, под занавес, украли вещи у Изабеллы.

Сегодня же Изабелла почему-то вдруг оказалась рядом с Андреем на заднем сиденье микроавтобуса. С самого начала экспедиции она избегала близких контактов с журналистом: старалась разговаривать только тогда, когда её спрашивают, нигде не сидеть рядом с Андреем и даже отказалась от его приглашения поужинать в гостиничном ресторане. Андрей только ухмылялся, а Изабелла активно придавала себе деловитости, учёности и абсолютной педантичности.

И вот такой прогресс: Изабелла сидела рядом с журналистом и то и дело украдкой поглядывала на него. В один из таких моментов Андрей вдруг посмотрел Изабелле в глаза.

– Нравлюсь?

Девушка смутилась и даже не нашлась, что сразу ответить.

– Я вот тоже думаю, с чего бы это ехать в такую даль с мужчиной, который не нравится? – добавил Рогов.

– Не обольщайся! – фыркнула Изабелла и тут же добавила: – Павлин!

– Скорее старый куриц! – иронично парировал Андрей и отвернулся к окну.

– Куриц – это что? – удивилась полячка, не вполне знакомая с тонкостями фразеологизмов не родного для неё языка.

Она посмотрела на Андрея. Его лицо явно не располагало

к научной беседе. Изабелла прекрасно осознавала его внутреннее состояние, почему и пересела к Андрею. Он ей действительно нравился, и она гнала от себя эти мысли, но ничего не могла с собой поделать.

– Ты для чего меня с собой брал?! – играя в сердитость, воскликнула девушка.

– Обниматься и целоваться... – начал Рогов.

Девушка побледнела, затем покраснела, если только на её смуглом лице это можно было заметить, и уже готова была дать ответ, но Андрей закончил фразу, выкрутившись:

– Обниматься и целоваться – как будет на испанском языке?

– Вот гад, – буркнула Изабелла и отвернулась, глядя на пробегающий за окном горный мексиканский ландшафт.

– Что-о-о-о? – якобы поразился Андрей.

– Сног! – вклинился в разговор Руслан, сидящий спереди.

– В смысле? – переспросил Андрей парня.

– Ну, «обниматься» и «целоваться» можно перевести на испанский одним словом – «сног», – пояснил Руслан.

– Следи за дорогой, сног! – проворчал Андрей под смех Изабеллы и надел наушники.

Путь лежал в Поэбло, город трёхсот пятидесяти шести церквей.

Бар с аппетитным названием «Паэлья» к вечеру наполнился своими постоянными посетителями. Надо сказать, что

прекрасную, душистую паэлью с лоснящимися мидиями и гигантскими креветками, с тонкими ломтиками кальмара и нежнейшей куриной мякотью, приправленную зеленью, чесноком и оливковым маслом... здесь не подавали. Зато почти на каждом столе стоял кальян, играли в карты и кости люди, лица которых были бы хороши для фотографий в криминальных сводках. Да и само заведение было далеко от каких-либо форм гигиены и санитарии: в воздухе стояла смесь запахов марихуаны, перегара и дешёвых женских духов, которыми пользовались недорогие проститутки Мехико. От стола к столу ходили две уже далеко не девичьего возраста потные официантки, разнося текилу. Очередной заказчик брал с подноса рюмку кактусовой водки, выпивал её залпом и... зализывал потом женщины прямо с живота или предплечья. Зрелище, конечно, тошнотворное, но чего стесняться и брезговать, когда все свои?

Попросту, это был притон, снаружи выполняющий функции забегаловки, а с чёрного хода... Здесь помещались отдельные игровые, так сказать, ВИП-залы, где ставки были повышены вплоть до человеческой жизни, да и несколько помещений для плотских утех.

В комнате со звуконепроницаемыми стенами стояли большой стеклянный стол и мягкое кожаное кресло, на котором восседал странный карлик с жёлтым старушечьим лицом, казалось, таким огромным, словно его делали для нескольких человек. Почти детская рука с золотым перстнем на тонень-

ком безымянном пальце раскладывала пасьянс, снимая с колоды красиво прорисованные эксклюзивные карты. Её обладатель в красной рубашке одновременно слушал новости, которые шли по небольшой плазменной панели на стене.

«Сегодня ночью жители Баррио-Тепито⁶ были разбужены звуками перестрелки. Полиция, в течение нескольких минут прибывшая на место происшествия, обнаружила четверых убитых членов местной преступной группировки „Эль-Мехикано“. При этом все они были убиты не из огнестрельного оружия».

На экране появился пузатый полисмен с пышными усами, рассказывая о ночной переделке.

«Загадочный убийца, по всей видимости, действовал режущим предметом, скорее всего ножом. Об этом говорят множественные резаные раны на телах убитых».

– Копы, придурки, – сквозь хохот послышалось в комнате карлика.

Сюда зашла неразлучная парочка – кварталерон и беззубый, которые следили за группой Рогова из-за тонированных стёкол катера. Кварталерон, по обыкновению, очень громко выражал свои эмоции.

– При этом товар отправлен вовремя, – добавил беззубый, – в порту полиции не было.

– Фараоны из порта кинулись на шум в квартале. Идиоты, – продолжал крепыш.

⁶ Баррио-Тепито – самый криминальный район Мехико.

– Хорошо сработано, – похвалил маленький человечек, заканчивая свой пасьянс, – но почему ножом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.